

РОСТИСЛАВ КОТ ЛИЦО ЛЖИ

Предвестники большой войны

Проект Черная Игла
Эпизод второй

16+

Чёрная игла

Ростислав Кот

Лицо лжи

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Кот Р.

Лицо лжи / Р. Кот — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Чёрная игла)

ISBN 978-5-532-08363-9

Главный герой Ачет по прозвищу Космонавт — агент секретной службы малонаселённой звёздной колонии, которая переживает нелёгкие времена. Надвигается межпланетная война, вторжение более «цивилизованных» миров. Машина лжи и провокаций раскручивается всё быстрее. Однажды родной мир героя оказывается на грани невероятной катастрофы. И тогда надежда остаётся только на знания, которые Ачет приобрёл в юности, сутками пропадая на борту звёздного корабля, упавшего на окраине столицы... Это второй эпизод проекта «Чёрная игла», продолжение романа «Ты избран».

ISBN 978-5-532-08363-9

© Кот Р., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Твоя звёздочка с краю	7
Небо на обочине	14
Детонатор страха	22
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ложь – это моё оружие. Когда я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать, вы смотрите в дуло моего пистолета...

Кюта Ш, Улл. «Руководство по активной политике», св. 1, стр. 23

Того, кто научится отличать правду от неправды, ждёт испытание. Он вдруг поймёт, сколько неправды вокруг, сколь многое в современном обществе строится на лжи. Но это лишь начало. Потом ещё нужно будет научиться смотреть в лицо этому невидимому зверю. Смотреть, не отводя глаз. Научиться понимать, что ложь, подобно другим зверям, не таит на тебя истинного зла. Пожрав кого-то, зверь действует из естественных побуждений – он такой потому, что нужно как-то жить, чем-то существовать; можно даже оправдывать его. И так же, как природный зверь, ложь боится лишь встречной силы – спокойной и расчётливой. Встретив такую силу, она отступит, но недалеко и ненадолго – надо же чем-то питаться...

Ии, Великая правительница Имллт, «Послевоенные дневники», т. 1, св. 13 (Библиотека общины Кожевников, г. Кокдд)

Твоя звёздочка с краю

Унижение – это тонкая, изощрённая форма угнетения. А угнетение само по себе – дело довольно-таки хлопотное и необходимо для совершенно конкретных вещей.

И каждый раз, когда тебе пытаются указать твоё место – это значит, что тебя боятся, хотят удержать в узде и нейтрализовать. Это признание того, что ты самим фактом своего существования портишь кому-то игру...

Не знаю, для кого как, но для меня в подобных ситуациях понимание этих основ всегда было поводом немного гордиться собой и находить новые силы держать и дальше тот же курс.

Ии, Великая правительница Имллт, «Послевоенные дневники», т. 1, св. 17 (Библиотека общины Кожевников, г. Кодд)

Чтобы не взбеситься, я уже в третий раз за последний час прокручиваю в голове процедуру самоконтроля. Помогает, но ненадолго. Зная мою неотёсанную натуру, наш шеф по прозвищу Сержант, принимая на службу, научил меня этому первым делом. Немолодой и с виду простецкий светловолосый дядька в извечном бесформенном сером плаще, он читал своих агентов как открытую книгу. Кто хоть раз заглянул в его прозрачные серые глаза, тот знает, что в глубине там сталь. Вот, ещё раз убеждаюсь, насколько он был прав, буквально вколачивая это в меня! Самоконтроль, только самоконтроль! А иначе я, даром что агент со стажем, так бы и ткнул табельным пистолетом прямо между этих искусно накрашенных очаровательных глазок!

Но трезвомыслие гласит, что, даже если ты видишь перед собой явного и циничного врага, не всегда можно сразу размахивать оружием. По крайней мере, пока обещанная вскоре война не началась...

Нет-нет, вместо этого нужно сделать глубокий вдох и повторять про себя примерно так:

Место действия...

Планета Имллт, внешний сектор колоний Малого кольца.

Континент – Первая Земля, юго-западное побережье.

Город Кодд, район Нижний Кодд, посольский квартал. Офис Парламентской миссии Малого Кольца, второй этаж, приёмная Главного секретаря-референта.

Время...

25-е Цветов, Третий месяц весны.

10:45 утра по местному времени.

А если в общеисторическом контексте – 1365 год от Закрытия Вечного Моста (и хорошо, что не все уже помнят, что это означает).

Оружие...

Пистолет в потайной кобуре подмышкой. Но сегодня моё главное оружие – официальный запрос. Я пытаюсь зарегистрировать в межпланетной парламентской сети воззвание к самым вершинам нашей родной цивилизации Малого Кольца. Содержание этого объёмного документа, созданного трудами всех моих коллег по спецслужбе, можно передать одним простым вопросом: почему они собираются на нас напасть? Они – это группа наиболее развитых миров Малого кольца. Не знаю, укрепит ли рассмотрение этого запроса, снабжённого обширными документальными подтверждениями, безопасность нашей несчастной окраинной колонии. Скорее всего, нет. Но спросить, наверное, всё-таки стоит...

Связь...

С этим всё, вроде бы, в порядке. Рация на поясе, а на цепочке под рубашкой болтается секретный брелок специальной связи. Но вот когда смотришь, какие виртуальные пространства распахиваются над рабочим столом у нехорошей девушки из высших миров по одному мановению её наманикюренных пальчиков, то понимаешь... что война будет тяжёлой.

Состояние...

Паршиво мне.

Внешний вид...

Внешний вид, вроде бы, идеальный. Почти новый костюм, чистая рубашка. Ботинки начищенные. Только вот в глазах этой девицы-референта я, наверное, всё равно выгляжу безнадёжным провинциалом. Я думаю, на планете Улл, ведущем мире Малого Кольца, агент спецслужбы моего уровня на официальном приеме нарядился бы куда круче. Впрочем, я даже не знаю, что надо поменять в одежде, чтобы хоть на шаг приблизиться к идеалу. Женщине на моём месте было бы проще – вон, сама госпожа Главный референт и есть ходячая подсказка.

План действий...

Набраться терпения, собрать волю в кулак и всё-таки выполнить свою задачу, несмотря на утончённые издевательства. А мой очаровательный противник, судя по всему, в этом деле весьма опытен... Нужно больше воли и больше терпения!

Я смотрел в это лицо... Красивое лицо. Мягкие, светлые, чуть вьющиеся волосы. Изящная стрижка каре, оказывается, очень подходит таким волосам... Красивые плечики под тоненькими бретельками строгого тёмного платья. Засмотришься. Только долго смотреть нельзя – потом будет плохо, как после лёгкого отравления. И лучше не заглядывать в глаза... Там холод.

Приёмная Парламентской Миссии Малого Кольца была отделана со вкусом. Настолько вдумчиво отделана, что это сбивало с толку. В этом и был весь шик – не слишком много бросающихся деталей, но так, чтобы вызвать у гостя устойчивый комплекс неполноценности. Везде одно и то же... Я постоянно ловлю себя на мысли, что везде, где я встречаюсь с официальными проявлениями цивилизации Малого Кольца, используются одни и те же приёмы... Поставить посетителя на место, надавить на психику...

Какходишь, первым делом тебя бьёт мысль, что ты – провинциал. Почему? Так сразу и не объяснишь... Мягкий полумрак, синеватая подсветка стен да экраны голографические мерцают. У нас нигде такого пока нет. Ходишь с пыльной, выцветшей под солнцем улицы – и сразу теряешься. Пока глаза привыкнут, пока разберёшься, где тут стойка с девушкой...

И девушка эта самая, Главный референт, вся в том же духе. Просто эталон межпланетной женской красоты. Образец вежливости. И образованности – любой диалект адапта спокойно держит. Как к ней обратишься, так и отвечает. Меня всё подмывало на техническом итике с ней заговорить. Но, думаю, результат был бы тот же.

Походишь к ней – и она взмахом пальчиков экранчик свой голографический гасит. Всящие вокруг неё в воздухе узорчатые сети диалогов, цветные шарики опорных точек сетей связи и хитросплетения объёмных схем тут же бесследно растворяются. И смотрит она на тебя. И в глазах написано, что экран свой она из вежливости выключила, а не для того, чтобы ты не пялился на секреты межпланетной Парламентской Миссии. Именно из вежливости и из уважения к тебе как к аборигену, в частности, и ко всем нам, жителям планеты, в целом. И пока ты ей свою профессиональную карточку не покажешь, как-то даже рот раскрывать не хочется...

А на самом-то деле, мне было что сказать. Всё наше оперативное крыло адвослужбы долго и упорно трудилось над изучением Послания, которое, благодаря моим синякам, шишкам да травмированным рёбрам, восемь с чем-то месяцев назад стало достоянием общественности.

Послание содержало детальный план вторжения на нашу планету. Там было всё очень основательно изложено, с расчётом сил и средств, с планами высадки, списками приоритетных целей и всё такое. Поначалу я это даже читать спокойно не мог. И не только я. Представьте: там были определены даже предпочтительные места для захоронения погибших защитников колонии с оценками того, сколько в какое складывать, с точностью до десятков тысяч...

Но Сержант нас всех привёл в чувство. Он объяснил, что придуманное кем-то мрачное будущее ещё не наступило. Это всё пока ещё только мечты врага. И чтобы они не реализовались, нужно начинать активно мешать противнику прямо сейчас. Поскольку большой армии у нашей бедной колонии нет, можно начать с того, что выявить нарушения межпланетного законодательства, на которые будущие агрессоры вынуждены будут пойти при подготовке вторжения. Благо, в Послании для этого масса материала. А откровенно нарушать межпланетный Закон, по крайней мере до момента начала боевых действий, им невыгодно.

Как известно, Космодромы всех обитаемых планет контролируются Полупрозрачным дворцом, где сидит Ага I, номинальная правительница Малого Кольца. Не то чтобы они напрямую управлялись по нажатию кнопки, но искусственные интеллекты этих каменных колоссов наверняка дружно возьмут под козырёк, если Великая Прорицательница правильно поставит вопрос. И выборочно заблокируют перевозки в определённом секторе космоса. И тогда подготовка войны, которая и так ожидалась лишь через несколько лет, затянется ещё на десятилетие. А то и на два. Поэтому подготовка вооружённого отпора и встречный пинок на дипломатическом фронте – это вещи взаимодополняющие и в равной степени необходимые.

Послание было очень многоплановым, как и положено для такого масштабного замысла: помимо собственно оперативных планов (что атаковать и захватывать, как и в каком порядке) да скрупулёзного подсчёта необходимых вооружений там была и логистика, и оценки энергозатрат, и расчеты всех видов довольствия, и всё такое.

Военную часть Послания обсуждать смысла не было: казуистическое мышление межпланетной бюрократии ещё полгода назад заключило, что само по себе составление военных планов – это ещё не преступление, ведь никто ни в кого фактически не стрелял. Да и наличие оружия тоже ничего не доказывает: ну есть оно у развитых миров, и что? После того как план появился в правительственной сети нашей колонии, официальные лица с Улла тут же объявили его фальшивкой, а Полупрозрачный дворец, вопреки нашим надеждам, промолчал.

Про правителей Улла всё было заранее ясно – тридцать семь лет назад там случился кровавый мятеж, и у власти теперь находились «молодые реформаторы», яростно противостоявшие власти Аги I. В своё время между мятежниками и Полупрозрачным дворцом установилось «боевое равновесие»: мятеж на Улле подавить не вышло, но его распространение на другие миры удалось предотвратить. Но вот теперь, похоже, этому хрупкому равновесию приходит конец... В этой связи мне было совершенно непонятно, почему смолчал Полупрозрачный дворец! Видимо разговоры о том, что дела в нашей славной цивилизации идут вовсе не так хорошо, как вещают сенаторы Межпарламентской ассамблеи, имеют под собой основания. Похоже, что без поддержки мира Праматери, связь с которым мы потеряли в незапамятные времена с закрытием Вечного Моста, нас, в конце концов, ждёт настоящий космический каюк.

Помимо всего прочего, в силу обстоятельств получения Послания, которые достойны отдельного рассказа, наши позиции для официального обвинения кого-либо в будущих военных преступлениях изначально выглядели сомнительно: шифропечати защиты содержимого документа были взломаны, недоброжелатели объявили контекст неясным, и так далее.

Но вот в подготовительной части вражеского плана, реализация которой была уже в разгаре, нашлось, за что зацепиться. Поэтому в работе мы разделились по нескольким направлениям, и каждый нашёл что-то вопиющее – как минимум, основу для потенциального межпланетного скандала. Но Йец, наш штатный аналитик, ковыряя логистический раздел, переплюнул всех. Он только выглядит мальчишкой в легкомысленной цветастой рубашке. В структурированном разборе ситуации он многих может сделать. Я, например, порой едва за ним поспеваю. Но правда только до тех пор, пока не наступает пора стрелять да морды бить – тут нашему парню следует ещё подтянуться.

Так вот, изучая планы перевозки армии вторжения к месту назначения, Йец обнаружил интересную закономерность в области фрахта вовлечённых в это дело космических судов, формально не считающихся военными. Оказалось, что почти все транспортные корабли из тех, что уже были на твёрдых условиях зафрахтованы под перевозку войск для интервенции, как-то связаны с правительственными структурами ведущих миров Малого Кольца. Связь эта могла быть самого разного рода, но всегда очень прочная – или крупный пай в корабельной доле с правом назначения капитана, или вовсе полный контроль через подставных лиц. А иногда никто даже и не пытался ничего скрывать: – часть кораблей имела местом приписки ДиУлл, орбитальный город у планеты Улл. ДиУлл полностью контролировался Лахом, правительственной резиденцией Улла. К тому же, ДиУлл был местом официального базирования Звёздных Бригад, самозванного наёмного воинского формирования, которое почти в открытую создавалось для противодействия исконной военной силе Полупрозрачного дворца, формального управляющего центра Малого Кольца.

Получалась забавная картина: крупнейшие миры Малого Кольца, во главе которых были Улл и Дамбод, на словах следовали призывам многомудрой Аги I, официальной правительницы нашей цивилизации, поддерживали развитие отсталых колоний, оказывали какую-то помощь. К нам вот даже постоянно действующую Парламентскую Миссию прислали. А на деле, оказывается, все они втихаря поддерживали мятежников, засевших в Лахе? Впрочем, после тридцати семи с чем-то лет пребывания у власти полковника Куты Ш и его команды называть их мятежниками язык поворачивался уже далеко не у всех...

И напротив, на фоне всего этого переговоры о фракте для перевозки войск вторжения с независимыми владельцами кораблей и торговцами-одиночками, обладавшими сомнительной репутацией, и даже с пиратами да нечистыми на руку охотниками из опустившихся гильдий шли трудно. Всё хорошо у будущих интервентов было только там, где у них, по идее, вообще ничего не должно было получаться.

Выслушав эту историю, я только пожал плечами. И тогда идеалист Йец сказал, что я законченный циник. Мой долговязый друг Стаки, бывший военный, услышав наш с ним разговор, просто заржал, согнувшись пополам и прижав длинные мосластые руки к животу. А умник Красен, крепыш, красавец и ловелас, подключившись к дискуссии, образно пояснил запутанность политической ситуации точно подобранным похабным анекдотом. Саст, тоже красавец гармоничного сложения, родом из общины контрабандистов, как бы между делом обратил внимание на то, что ни один из контрабандистских рейдеров пока не завербован – их владельцы тонко чувствуют, где пахнет жареным. Да и кодекс свой стараются соблюдать... А по-моему, контрабандистам просто не нужна была межзвёздная диктатура: им выгоднее, чтобы обитаемые миры жили и развивались, а межпланетная торговля росла. Ведь контрабанда – не что иное, как теневая сторона торгового оборота...

В итоге на своём коллективном обсуждении мы так ни к чему и не пришли. Но для этого у нас есть Сержант. Он, бывший полковник спецслужб с планеты Улл, прочёл нам короткую лекцию про информационную войну и сказал, что порою словом можно навредить сильнее, чем оружием. После чего велел готовить запрос в Парламентскую миссию Малого Кольца. За основу для начала решили взять то, что раскопал Йец. Задача была – вытащить эту грязь

наружу, поднять вопрос, а ещё лучше – учинить скандал на уровне Сената Малого Кольца. И действительно, нечего им прикидываться добренькими, коли собрались на тёмное дело...

Месяц мы всей конторой бились над этим запросом – в Послании было столько грязных фактов, что даже систематизированное изложение некоторых из них в заданном ключе представляло собой изрядный труд. Йец так вообще неделями не спал. Идея подавать запрос от имени наших колониальных властей, от Кондуктории, отпала сразу – пресс-секретарь уже с первых слов по коммуникатору немедленно впал в истерику, а к Председателю Басуте на приём теперь можно было пробиться только на бронемашине, наверное. Тогда Сержант решил оформить запрос от имени адвокатуры – той самой структуры, в рядах которой я состою. Она находится в двойной юрисдикции, орудуя в промежутке между межпланетным и местным законодательством. И такие полномочия у неё есть – всё-таки межпланетный инцидент намечается, это очевидно...

Для подачи запроса даже ехать далеко не пришлось – не так давно у нас в Кодде, как во втором по величине и экономической значимости городе планеты, открылось местное представительство Парламентской Миссии. На общем совете послать туда решили меня – как признанного ветерана в деле передачи и распространения скандальной корреспонденции. И вот я, в новеньком парадном костюмчике, который надевал только по особым случаям, со своей профессиональной картой, сияющей редким зелёным кристаллом, демонстрирующим мой статус, стою перед этой юной иконой межпланетной дипломатии. И понимаю, что на информационной войне можно, образно говоря, получить под дых куда больнее, чем в резиденции Председателя Кондуктории...

Тонкие пальчики Главного референта бегают по изящной серебристой пирамидке управления – в офисе представительства Миссии только дорогое оборудование высокого класса. Она просматривает гневную красно-фиолетовую лесенку логических структур нашего документа с таким спокойным лицом, как будто я принёс ей справку о поголовье молодняка молочного скота с местного племенного комбината.

– Это всё несерьёзно, – легко перечёркивает она пренебрежительным взмахом идеально накрашенных ногтей недели бессонных ночей нашего Йеца. – Первичный источник данных точно не установлен...

Вот! Этого следовало ожидать! Это был удар по Посланию, так и не получившему шифропечати Космодрома взамен сломанной шифропечати Лаха. Кстати, как раз из-за этой особенности Послания меня тогда, восемь месяцев назад, чуть не убили. Ребята выручили в последний момент.

– Но это было опубликовано в правительственной сети! – довольно неуклюже пытаюсь возразить я, заранее догадываясь, каким будет ответ...

Но ответ оказывается ещё более жёстким.

– Мало ли что у вас в сети может быть опубликовано.

Длинные загнутые ресницы девушки порхают над омутами голубых глаз, когда она просматривает бюллетени фрахта, а там Звёздные Бригады кое-где значатся открытым текстом...

– И это тоже ни о чём не говорит, – резюмирует она как будто даже с мимолётным облегчением. – Они часто фрахтуют корабли надолго. Но это вовсе не означает, что полетят на них именно к вам...

Она просматривает документ дальше и видит шифропечати обоих маршалов нашей адвокатуры – Сержанта и Папаши Корна.

– Надо же, и господин Корн эту ерунду подписал... – подняв тонкие брови, удивляется девушка.

В её голосе даже лёгкая печаль, сочувствие уважаемому господину Корну за столь досадный промах, который может повредить его безупречной репутации...

Про нашего Сержанта, которого все опасаются, она молчит, ясное дело. А вот за Корна, руководителя официального, таможенного крыла колониальной адвослужбы, госпожа Главный референт переживает совершенно напрасно. До сего дня я с ним почти не общался. Так, видел пару раз... Он запомнился мне как крупный, лощёный мужчина в дорогом официальном костюме, сдержанно отливающим серебром. У него были крупные, пухловатые кисти рук и чуть одутловатое лицо, а глубоко посаженные карие глаза смотрели живо и совершенно не вязались с его имиджем погрузившегося в бюрократию «кабинетного воина». Между собой наши ребята называли таможенного адвомаршала «Папаша Корн». Всякое про него говорили – и про взятки, и про то, что он покрывает контрабандный трафик на таможне... Оперативного крыла, где я служу, он на людях всегда сторонился и подчёркнуто держал дистанцию от Сержанта и его дел. А люди Корна так просто побаивались порой нас, агентов оперативного крыла, своих коллег, по сути...

Но всё выясняется, когда доходит до настоящего дела. Вот я заявился к нему пару дней назад утром в кабинет, представился по форме и достал свою профкарту с подготовленным запросом. Папаша Корн сначала минут десять изучал сам запрос, а после ещё с десятков секунд размышлял. При этом он сказал что-то вроде: «Я думаю, это не поможет... Но рука моя не дрогнет». А потом взял – и заверил всё это своей личной шифропечатью, которую все торговцы обитаемого космоса хорошо знают. Так что не дрогнула рука господина Корна, уважаемая референт...

– И тем не менее, всё равно хотите отправить? – чуть насмешливо спрашивает девушка.

Я киваю, глупо улыбаясь. А что же мне, в ухо ей дать? В нарушение дипломатического протокола, иммунитета и так далее...

Ожидая, пока она оформит и зарегистрирует запрос в своей высокотехнологичной парламентской сети, я от нечего делать верчу головой. Под потолком офиса в полутьме прячется огромный чёрно-синий флаг с россыпью золотых звёздочек – штандарт Парламентской Миссии. Видно, что сделан он из редкой дорогой ткани. Звёздочки, разбросанные по едва колышущимся чёрно-синим волнам, все разного размера и образуют затейливый рисунок. Каждая звёздочка – это колония. Они не в линию выстроены и не по кругу. Говорят, в этом их расположении – весь смысл. Кто-то рассказывал мне, как это всё интерпретировать, как перевести на житейский язык, так сказать, но детали в голове не отложились...

Вот, наконец, она всё сделала... Очаровательная госпожа референт оторвалась от голографического экрана и устремила на меня прозрачно-голубой взгляд.

– Очень сожалею, но при таких входящих данных статус вашего запроса будет невысок. Плюс невысокий общий статус вашей колонии... – ласково говорит она. – Ответа придётся подождать...

Ответ Главного референта, как и расположение звёздочек на флаге, тоже приходится интерпретировать. Она ничего не говорит просто так. Она ничего не говорит напрямую. И слушая, как тщательно подобраны её слова... И глядя, как точно тон подсветки стен подобран в тон синевы на межпланетном штандарте, ты вдруг понимаешь, что твоя звёздочка на этом флаге – самая маленькая, самая тусклая, и расположена она в самом углу... С самого краю! Но я борюсь с этим состоянием, похожим на перманентный ступор. Я борюсь, борюсь – и у меня наконец получается вопрос:

– Насколько долго придётся ждать ответа?

Референт красива, молода и безупречно одета. Она гордо и правильно держит голову. Светлая деловая причёска-каре очень гармонично оттеняет ровный кремовый загар лица.

Глаза её смеются. А я скажу, что это нехороший смех, милая девушка. Нас ждёт война, нас всех, может, поубивают, а ты тут о каком-то статусе говоришь...

– Развивайте свою колонию, – словно прочитав мои мысли, вежливо советует госпожа референт Парламентской Миссии Малого Кольца.

И тут я вспоминаю, что сама она родом, кажется, с того же Улла, который как раз охотно предоставляет свои транспортные корабли Звёздным Бригадам... Я бы сказал, что круг замкнулся, если бы не Сержант, который тоже родом с Улла... И вообще, вся эта политика – такое дерьмо...

Каким же неуклюжим я себе казался... В костюме провинциального покроя, с тяжёлым служебным пистолетом подмышкой... И с тяжёлой ношей проблем на душе...

И я ведь знал, что всё это неправда! Классно сделанная ширма! Всё это – и шикарный офис, и эта совершенная дипломатическая кукла! Всего лишь одна из форм напыщенного высокопрофессионального вранья. Попытка незаметно подменить у тебя под носом мировые сущности...

Но я всё никак не мог с собой справиться... Внутренний дискомфорт был вызван явным раздвоением сознания. С одной стороны, я понимал, что делаю. И делал всё, что должен был. А с другой – я ненавидел себя за то, что я такой... За то, что я провинциал, деревенщина и так далее... О, как меня проняло-то... Не хуже ментальной атаки... Нужно будет в следующий раз в боевом шлеме приходиться. И надо учиться противостоять... Учиться этому дерьму противостоять... Раз твоя звёздочка с краю – имей гордость терпеть унижения достойно. Ты делаешь это не для себя...

Небо на обочине

Вера в себя, в родных, в друзей, в свой народ – это последнее, что приходится ломать в твоём противнике. Можно отнять оружие, измотать силы, но пока остаётся вера – остаётся риск, что поверженный возродится!

Нельзя этого допускать! Это нужно выжигать во всём, в любых мелочах – вспомните хрестоматийный принцип одновременного давления по всем жизненным сферам...

Кстати, если поддерживать такой нажим достаточно долго, то большинство населения начинает воспринимать это как привычный порядок вещей. Верить, что так было всегда... И тогда в их сознании наконец появляется новая реальность – вера в свою ущербность, дающая нам новые шансы на победу...

Куйта Ш, Улл. «Руководство по активной политике», св. 1, стр. 35

На следующий день у меня был выходной. И решил я съездить к своему давнему другу, развеяться.

Если из Кодда поехать по левому берегу вниз по Уарате, попадёшь в одно интересное место... Для этого с нашей стрелки Шоссе нужно повернуть на северо-запад, под прямым углом к Шоссе, что уходит почти точно на северо-восток. Дорога эта условно именуется северо-западным шоссе, но чаще всего её никак не называют – название почему-то не прижилось. Километров через десять это почти безымянное шоссе разделяется на два других. Одно из них – то, что уходит направо, к берегу Уараты, вполне справедливо именуется Надречным шоссе. То, что уходит налево – это Океанское шоссе. Взбираясь на Меловые горы, оно какое-то время тянется вдоль побережья океана да так в этих горах и растворяется...

Мне нужно было Надречное шоссе. Оно кажется почти прямым, и, если бы не ямы, ехать по нему – одно удовольствие. Первый месяц лета, который у нас называется месяцем Света, на юго-западном побережье традиционно не слишком-то жаркий, хотя уже вторую неделю стоит ясная погода. Солнышко, голубое небо, белые облачка, зелёная травка... Дорожное покрытие, сделанное с применением щебня и ископаемых нефтепродуктов, ещё не плавится под колёсами, как это порой бывает в самую жару, и потому единственная забота – объезжать выбоины. Что подделаешь, древний палеобетон, из которого сделано Шоссе, мы так у себя и не освоили – он ведь какой-то там гиперполимерный да самовосстанавливающийся! Прежде науку нужно возродить, чем на что-то такое замахиваться...

Вокруг перелески, красивые поля да луга... Потом слева начинается лес. Идеальное место для автопрогулки, да ещё с ветерком, на открытом джипе – эх!

На втором десятке километров после развилки, справа от дороги, мелькает металлическая стела с патетической надписью: «Путь к звёздам лежит через науку». Это поворот на посёлок Выселки, где расположен недостроенный университетский городок. Собрались как-то ведущие общины побережья и решили построить недалеко от Кодда университет не хуже, чем в столице... Да, видать, только грядущая война может наших твердолобых сторонников традиционного общества по-настоящему объединить. Так и стоят у речного обрыва, на краю Выселок, несколько недостроенных учебных корпусов и общежитие для несуществующих студентов. А ведь даже кое-какое лабораторное оборудование начали было завозить... Да ну их!

Километра через два у Надречного шоссе видна ещё одна придорожная стела, но уже слева. На ней нет патетической надписи, хотя заметно, что тут когда-то был полноценный, как на Шоссе, самосветящийся дорожный указатель. Кроме того, по следам на слегка погнутом металле можно угадать, что указатель некоторое время назад с немалым трудом отодрали. Асфальтированная дорога, уходящая влево, прямо в лес, прекрасно сохранилась – наверное, потому, что по ней давно никто не ездит. Это был поворот к главному въезду на бывшую Над-

речную авиационную базу. Много лет назад из-за недостатка финансирования и сокращения боевых единиц исправной летающей техники она была перестроена в авиаремонтный центр. А затем, ещё через несколько лет, – в хранилище авиационно-космической техники. Потом её статус был понижен до площадки открытого хранения. Если по-простому, то сейчас это всего лишь кладбище неспособных подняться в небо летательных аппаратов.

Там работает, да, считай, и живёт мой друг по имени Батт. Его карьера авиационного инженера, когда-то не вызывавшая сомнений, с годами скатилась под гору вместе с закатом Надречной авиабазы и наших ВВС вообще. Сначала молодой офицер, потом главный инженер военного ремонтного центра, потом – командир специальной воинской части по хранению техники... Потом увольнение со службы при расформировании части – перевода никуда не предлагали, лётный и технический состав повсюду только сокращался... И вот он уже сторож на кладбище авиатехники. Тишина, тоска... Округлый летающий металл, то тут, то там выглядывающий из высокой травы... Молодые деревца, проросшие в открытые люки брошенных машин, раскуроченных на детали для продолжения жизни более счастливых крылатых собратьев... Дочка выросла, окончила столичный университет и осталась работать в Инаркт. И теперь у Батта с женой, вышедшей когда-то за перспективного офицера, осталось одно оказавшееся на обочине небо на двоих... Алкоголь...

Ехать по этой уходящей в лес дороге бессмысленно. Никуда она теперь не ведёт. Через несколько километров дорога повернёт направо, обходя бывшее лётное поле, сейчас заросшее травой, пробившейся между бетонных плит, и заставленное несколькими десятками исполинских скелетов боевых десантных ботов, в просторечии именуемых БДБ. Дорога кончится на широкой площадке у больших железных ворот, которые не только закрыты на замок, но и наглухо заварены. За ними угадывается засыпанный многолетним слоем опавшей листвы плац, зияющие пустыми окнами здания казарм и административных корпусов. Тянущиеся дальше ряды полуразобранных ангаров успели частично зарастить молодым лесом. Каменные клумбы с цветами, земля в которых когда-то подкармливалась удобрениями, почти без боя завоевал пустоцвет – его высоченные стебли с пушистыми шапками соцветий повсюду торчат из этих неуклюжих, но трогательных армейских украшений. Они похожи на застывшие взрывы того боя, который Надречной авиабазе дать так и не довелось. Слабая экономика погубила воздушную мощь колонии Имлт куда эффективнее наших нерасторопных врагов.

Мощные тёмные кили БДБ, торчащие из-за трепещущих на ветру крон молодых деревьев, создают впечатление, что орбитальную технику и время не берёт. Но это только иллюзия – корпуса этих огромных короткокрылых металлических головастиков уже давно пусты внутри. И они разобраны не на металлолом – у нас и металлургической промышленности-то толком нет. Это всё попытки чинить полтора десятка оставшихся в строю машин этого же класса в условиях, когда многие десятилетия нет средств на запасные части...

Так что топтаться на этой площадке перед заваренными воротами без толку. Время не повернуть вспять... Никто тебе не откроет, вне зависимости от степени допуска. Некому уже открывать... Я очень не люблю это место. Пару раз приезжал сюда зимой тренироваться водить машину в управляемый занос... А так я стараюсь тут не появляться. Да и Батт, который обитает ближе к противоположному краю обнесённой высоченным забором территории, здесь, у бывшего главного входа на умершую авиабазу, по его собственному признанию, редко ходит. Появляется он тут, как призрак в поношенном камуфляже, только если его собаки во время ежедневного обхода территории сюда забегают...

Подлинный въезд во владения Батта находится несколько дальше по Надречному шоссе. Нужно проехать ещё километров пять вниз по реке, и слева будет поворот на едва заметную грунтовую дорожку. Отросшая за лето трава отлично его маскирует. Да, впрочем, и в другие времена года, чтобы отыскать этот поворот, нужно про него заранее знать...

Грунтовка почти не езжена – а кому туда ездить? Насколько я знаю, последний заказ на створку сопла для атмосферной ступени БДБ поступил Батту года два назад. Тогда с Западной площадки, военной базы, расположенной неподалёку от устья Уараты, прикатил большой грузовик с двумя техниками и двумя офицерами. А вечером он уехал обратно по Надречному шоссе на Западную площадку, нагруженный огромной титановой деталью, оставив только горячую благодарность командования уцелевшей воинской части, несколько лётных пайков в подарок, чек на премию по линии технической службы ВВС, несколько бутылок горького горячительного и горечь в душе, которую и словами-то не выразишь...

Немного попетляв среди кустов и зарослей высокой жёлто-зелёной травы, грунтовка уходит в лес. Просека выглядит аккуратно – я знаю, что Батт её периодически чистит, спиливая дисковой пилой постоянно растущий на ней самосев. Всё надеется, что про него не забыли. Вдруг да приедут ещё за чем-нибудь...

Километра через три просека упрётся в поросший мхом забор с кустарными воротами. Забор всё тот же – официальная граница базы, а ворота Батт сделал сам. Здесь, с другого конца территории, на основе каких-то технических сооружений мой друг отстроил себе собственную базу – домик, мастерскую, гараж... Даже водопровод сделал, отопление... Водоснабжение базы уже десятки лет как не работало. И энергоснабжение тоже. Но Батт где-то у «своего» края территории отыскал скважину, поставил насос. А энергию подвёл откуда-то из-за Надречного шоссе, разобравшись в старинной секретной схеме подземных коммуникаций и понаставив самодельных шунтов на неведомо откуда и куда идущие волноводы... Правда, энергии ему вечно не хватает: зимой в его мастерской холодина, а домик приходится топить дровами.

Больше всего поражает моё воображение построенный Баттом летний душ – дискообразный чёрный композитный бак для сжиженных газов от БДБ, смонтированный посреди лужайки на извлечённых из грузового отсека другого БДБ ажурных фермах держателей для орбитальных спутников. Только вот мыться приходится голышом посреди открытой полянки. Меня это несколько смущает, а вот Батта вовсе нет – им с женой тут стесняться некого...

Собственно, это Батт научил меня решать сложные задачи с использованием простых вещей. Например, чинить машины примитивным ручным инструментом и без шлема механика, где всегда голографическая инструкция перед глазами. Другой мой учитель, космический охотник Чакт, который вот уже полтора десятка лет вынужден жить на Имллт, с тех пор как его корабль упал на окраине столицы, называет это «планетяньским мышлением». А Батт, знакомый с ним только заочно, услышав в свой адрес такие слова, отвечает на это: «Здесь по-другому нельзя». Повторив это несколько раз, он хмыкает своим широким курносом, чешет крепкую башку с коротким ёжиком светлых волос, смеётся, грозит мне пальцем и, зажав в руке мочалку, разлаписто шагает в чем мать родила через всю зелёную лужайку под свой космического вида душ с вечным подогревом от ближайшей к нам звезды... А его молчаливая востроносая жена с неизменным ведром в руках только качает головой...

Именно потому, что грунтовка была не езжена, я и заметил след. Травинки были примяты, причём только в одной колее. Подумаешь, казалось бы... Но ведь я агент! Следопыт, можно сказать...

Я остановил джип, выбрался из него и какое-то время прислушивался, даже принюхивался, осматривал траву дальше по колее... Сомнений быть не могло: кто-то тут проехал, причём только что. Проехал на чём-то типа маленького мокика. Неужто Батт в посёлок за чем-то мотался?

Я знал, что он обустроился с особым расчётом, отстроил собственную семейную базу на огромной территории заброшенного военного объекта. До крайних домов Выселок тут было всего-то чуть больше пяти километров – это если пересечь Надречное шоссе и рвануть по тропинкам, напрямую... А в Выселках у него был дом, получил он его ещё в бытность свою

офицером. Правда, насколько я знал, они с женой там почти не появлялись – только если что-нибудь захватить после того, как заезжали в посёлок за продуктами. Если этим путём ехать на мокике, тропинками, то почти по пути получается...

И тут же я соображаю, что в посёлок Батт, наверное, поехал бы с утра, а сейчас время уже ближе к обеду... Пока я проспался после смены, пока собрался с мыслями...

«Это точно не Батт», – решил я, забравшись обратно в джип. У него несколько мокиков, некоторые из них самодельные. Штуки три на базе, всегда под рукой. А часть стоит дома, в сенях... Но на Выселки за продуктами он в последнее время чаще ездил на своём наполовину самодельном пикапчике, достопримечательности местных дорог – его следы я хорошо знаю. А супруга Батта по имени Лиол на мокик ни за что не сядет... Ну, и кто же это тогда? Рука моя сама тянется к боевому шлему, что лежит на пассажирском сиденье.

Стаки, мой напарник, подначивая меня, часто говорит, что я в шпионов никак не наиграюсь. Может, он и прав. Конечно, уж он-то, со своим лейтенантским прошлым, может претендовать на глубокое понимание того, что ничего в мире нет загадочного, всё банально, просто, скучно и является либо службой, либо личной жизнью... Но я беру с сиденья шлем и сую в него голову. Да, я не наигрался в шпионов. Поиграю ещё немножко...

Летний день уступает место сформированной боевым шлемом виртуальной реальности. В мягких пастельных тонах лес выглядит полупрозрачным, и, хотя у меня нет с собой дополнительных датчиков для шлема, я сразу вижу впереди, сквозь чуть отдающую фиолетовым листву, фигурку с мокиком. Лица не разобрать: тепловизору на солнце сложно пробиваться сквозь кусты и листву и он поначалу только обозначает интересующий меня объект мозаикой оранжевых и зелёных пятнёв. Но постепенно шлем накапливает данные и поднимает разрешение. И вот я уже могу разобрать, что это девушка... Шлем идентифицирует цель, определяет дальность и сообщает, что для пушечного выстрела дистанция слишком велика...

От боевой техники не спрячешь фигуру под одеждой... И не только длинные волосы позволяют мне угадать пол. Девушка поворачивается, прислушиваясь – и я вижу контур её груди под ветровкой... В руке она держит лёгкий мотоциклетный шлем, из-под коротких бриджей торчат наколенники...

Увидев наколенники, я сразу догадался – это Битти, дочка Батта. Ни одну девчонку с Выселок не заставишь их напялить. А Битти недавно устроилась работать в столичное отделение секретариата Парламентской Миссии Малого Кольца. У них там строгий дресс-код: тёмная блузка и юбка определённой длины. Не слишком короткая, но всё же... Вот Битти и боится поцарапать колени.

Видимо, она услышала мотор моего джипа и насторожилась – всё-таки выросла в этих местах, кое-что понимает. И время для её появления вполне подходит. Если Битти приехала навестить родителей тем автобусом, что катит по Шоссе всю ночь и прибывает в Кодд утром... Потом ждала на главной площади Верхнего Кодда автобуса до Выселок... Потом топала через все Выселки к полузаброшенному домику Батта, где можно взять отцовский мокик, чтобы не тащиться пешком ещё шесть километров... То как раз к обеду она и должна быть здесь, на этой заброшенной дороге.

За спиной у Битти рюкзачок, совсем небольшой. В нём мой всевидящий шлем разглядел смену белья, какую-то мелочь, баллон с дезодорантом. Если она и в гости, то очень ненадолго.

Я решил не скрываться. Снял шлем и потихоньку поехал дальше. Без шлема я её теперь не видел, потому и не торопился – ещё выскочит мне под колёса...

Битти поджидала меня на придорожной лужайке, примерно за километр до отцовских ворот. Подъезжая, я всё думал – почему я ею никогда не интересовался? В личном смысле, я имею в виду... Только ли потому, что она дочка Батта? Хотя, как это препятствует, хм? Возможно, дело было в другом... Она мне почему-то всегда казалась маленькой девочкой. А

ведь, если задуматься, ей уже двадцать два, если не ошибаюсь... А мне ещё только двадцать семь. И то, что я подсмотрел, используя шлем... Нет. Несмотря на все мои знания, полученные с использованием служебного положения, – нет... Почему-то нет...

В детстве Битти больше походила на мать, чем на отца. А сейчас – наоборот. Тот же высокий лоб, курносый носик. Волосы у Батта светлые, у Лиол – тёмные. У Битти я сейчас вижу тёмные, у корней светлые. То ли красится, то ли вопрос между материнскими и отцовскими генами ещё не решён. Но глаза точно отцовские – голубые.

– Привет! – сняв руку с руля и сделав вежливый жест, я первым поприветствовал девушку, которая стояла, придерживая мокик, в нескольких метрах от дороги. Та молчала, как-то очень напряжённо глядя на меня.

Первым делом я подумал, будто Битти недовольна тем, что наши визиты совпали по времени. Ну, это можно понять – приехать в такую даль, чтобы побыть недолго с родителями, а тут ещё какой-то тип в гости... Но, с другой стороны, а что тут такого? Я ведь не собирался сегодня у Батта засиживаться до утра, не собирался пользоваться его знаменитым духом или подсматривать, как это делает кто-то ещё...

– Я могу заехать в другой раз, – добродушно предложил я, решив проверить эту версию, первой пришедшую в голову.

– Я так и знала, что это вы! – резко сказала девушка.

Ой, а вот это уже интересно...

– Ты о чём, милая? – я повернулся к ней, положив локоть на спинку пассажирского сиденья.

Помолчав секунду, Битти выдала:

– Мне рассказали, что вы даёте им деньги и они спиваются! И всё уговариваете папу с мамой не уезжать! И сами тут с ними... Закладываете...

Да... Вот это был удар! Интересно, и кто же это рассказал ей?

И ведь не скажешь, что это целиком неправда...

Пил ли я тут с Баттом и его супругой Лиол? Пил! И не однажды это было... Пару раз даже назююкались мы в общей компании капитально... Но это всё же были единичные случаи – и за сколько лет! Разве так спиваются?

Впрочем, от своих знакомых на Выселках я знал, что они попивали тут и без меня... Но, насколько мне было известно, всё это держалось в неких рамках...

Отговаривал ли я когда-нибудь Батта уезжать? Да не было у нас такого разговора вообще! Слышал я разок, как в подпитии, празднуя удачный демонтаж очередного узла с умершей машины, парочка инженеров с Западной площадки провозглашала что-то типа: «Не жить нам без тебя, старик! Пока ты здесь – наши воздушные силы могут летать!» Но это же было не всерьёз. Правительство Басуты даже на содержание свалки денег практически не выделяло, так что всё это были восторженные слова – и только. Они даже обещать ему на трезвую голову ничего не могли... И последний раз грузовик с Западной площадки приезжал сюда, как я уже говорил, два года назад...

Носил ли я Батту деньги? И это было... Я несколько раз заказывал ему всякие технические штуковины, нужные мне по работе – вроде универсальных отмычек и открывающих всё на свете электронных ключей. Батт был талантливым инженером и мастером на все руки – и он делал такие вещи, которые даже у контрабандистов, что таскали к нам товар из более высокоразвитых миров, достать было нельзя. Но сколько их было, тех заказов? И, опять же, за сколько лет!

Даже если предположить, что я был не единственным поклонником его таланта, на таких мелочах особо не заработаешь. Оружие же Батт делать категорически отказывался – отказал мне, значит, отказал и другим. Мне он всё повторял, что мой пистолет, как простейший меха-

низм без электронных компонентов, – лучшее вооружение для агента в нашу эпоху автоматизированных боевых систем: они просто не принимают такие железки в расчёт... Первое время я думал, что он издевается...

Кстати, о деньгах – как раз сегодня я действительно вёз Батту некую заметную сумму. Я решил пожертвовать свою прибавку к жалованию за несколько месяцев и сделать первый взнос... Батт давно обещал мне сварганить что-то посерьёзней отмычки. Например, моей тайной мечтой был личный летательный аппарат – чтобы можно было, если что, мигом добраться до Космодрома своим ходом. Ну уж об этом-то точно никто не мог знать... Я попросту никому не говорил!

А Битти, похоже, расценила моё ошарашенное молчание как признание вины... У неё потекли слёзы по щекам... И тут я вспомнил про то, что она теперь сотрудница Парламентской Миссии Малого Кольца!

– Это тебе на новой работе таких страстей нарасказывали? – догадался я.

Ну конечно, где же ещё могут так тонко сформулировать, как не в этом змеином гнезде! Уж не сама ли госпожа референт по региону юго-западного побережья постаралась? Ну да, почему бы девушке не зайти ненадолго с дороги в местное отделение своей же конторы...

– Какая вам разница! – злобно махнула на меня рукой Битти, чуть не уронив мокик, – Ведь правда же!

– Нет, Битти, всё это неправда! – спокойно ответил я.

Как можно спокойнее – как только смог...

Бедная девочка... Мне и самому это давление было не просто выдержать... Но как же ей объяснить... Откуда я знаю как! Кто научит меня состязаться с этими холёными профессионалами с утончёнными ходами мышления и тонкими навыками манипулирования перекрёстными смысловыми оттенками... И я решил начать с простого – как сам Батт меня учил...

– Послушай, Битти, ты ведь меня с детства знаешь... – глубоко вздохнув, сказал я.

– Знаю! – закричала Битти, заливаясь слезами. – В том-то и беда!

Но сейчас я не должен был обращать на это внимания. Я должен был говорить дальше. Хорошо, что вокруг шумели кусты и наш разговор уже с двадцати шагов никто бы не услышал...

– Не обсуждая того, что ты тут наговорила... – я жестом сумел остановить новый взрыв её возмущения. – Просто подумай вот о чём... Если очень далёкие от нашего круга, от дел твоего отца люди в таких подробностях знают про всё плохое в его жизни... И очень вовремя рассказывают об этом тебе... Так может, твой отец – пока он здесь, на своём месте – может, он им просто мешает? Последний здесь инженер, который знает, что можно открутить от брошенного катера, чтобы починить ещё летающий.

– А вам того и надо! – снова закричала Битти. – А он... Здесь... А мог бы...

Ах, вот оно даже как...

– Милая, ты слышала про Послание? Мы все, как ты говоришь, – здесь. Вся колония скопом. За исключением инопланетных господ, пожалуй...

– Да что вы про них знаете! – Битти оттолкнула свой мокик и топнула ногой. – Как вам не стыдно!

Мокик завалился в высокую траву, жалобно звякнув зеркалами и выставив оттуда вывернутое переднее колесо. Похоже, Битти сама не сразу поняла, что сделала... Я с интересом посмотрел на неё. Но даже в таком запале она почувствовала: мне есть, что добавить к сказанному...

– Ну, что ещё! – вытерев слёзы рукавом ветровки, девушка в отчаянии взмахнула руками...

– Почему только сейчас сказали? Почему именно это сказали? – задал я пару наводящих вопросов для размышления. – Это же надёргано за все годы твоей учёбы, пока ты дома не была...

Секунду Битти постояла, открыв рот, но потом снова переключилась на прежнюю волну.

– Анкету мою проверяли в местном отделении... – сердито пояснила она, уже раздумывая, как поднять мокик.

– Я могу помочь! – миролюбиво улыбнулся я.

Но едва я приподнялся, чтобы выбраться из джипа, Битти встрепенулась.

– Нет! – она выставила руку.

– Ты что, меня боишься? – удивился я, снова откинувшись на сидение.

Ну конечно, агенты адвослужбы, все до единого, непрерывно ведут двойную игру и непременно должны быть подкуплены контрабандистами – её просто обязаны были предупредить. Неофициально, на дружеской ноте...

– Нет! Не знаю! – Битти замешкалась на секунду, но быстро нашлась:

– У меня нет сейчас сил в этом разобраться! Просто не подходите ко мне!

– Хорошо, Битти, – вздохнув, сказал я, наблюдая, как она, пыхтя, возится в траве, пытаюсь поднять мокик, не такой уж лёгкий для девушки. – Можно дать тебе один совет?

– Нет! – сразу отреагировала она, замерев на мгновение, но потом передумала. – Хотя – давайте. Я послушаю...

– Как бы ты ни относилась ко мне, что бы тебе ни говорили люди из Парламентской Миссии, что бы ты ни думала о них, что бы ты ни решила сделать, – никогда, ни при каких обстоятельствах не рассказывай им про своих отца с матерью. – я волновался, понимая, что у меня был только один шанс, дальше она просто перестанет слушать. – Можешь говорить, что ты гордишься ими... Можешь признаться, что стыдишься их... Но никогда не раскрывай никаких фактов! Любых – важных или нет. Никаких! Этим ты можешь им очень сильно навредить... И ещё помни, что твой отец всегда был там, где хотел быть, и никто его к этому не принуждал...

– Вы закончили? Это и был совет? – Битти снова держала свой мокик и яростно вытирала слёзы с покрасневших щёк.

– Да, – повернувшись на сидении в её сторону, я примирительно развёл руками.

– Ещё раз говорю – я могу заехать позже, – напомнил я о своём предложении.

Битти колебалась пару секунд. Решение её было неожиданным...

– Нет уж! – решительно заявила она. – Это я приеду позже! Через два часа! Вам хватит двух часов, я надеюсь?

Вообще-то я собирался посидеть у Батта до вечера. Может, до темноты... Ну и да, собиравшись с ним выпить... Но ситуация поменялась: и сюда уже эти поганцы добрались со своей концепцией одновременного давления по всем жизненным сферам... У них всё точно как по учебнику специальной тактики, раздел «Предвоенный период»...

– Вот я приеду и посмотрю, как вы тут не пьёте! – сказала дочка моего друга, напялила свой светло-зелёный шлем в розовый цветочек, завела мокик и, лопоча мотором, скрылась за кустами, направившись по лесной дороге обратно к Выселкам.

Конечно, вечер был испорчен. Да ладно вечер... Теперь уже было не до того. Я не сразу поехал дальше. Минут пять думал, что сказать Батту. И давать ли ему деньги, которые привёз? А вдруг он и вправду пьёт в последнее время, просто я об этом не знаю? Я ведь не был здесь уже пару месяцев... И ещё я понимал, что так просто Битти мне не поверит. Сейчас вернётся через пару часов – и понеслась...

Я сидел, слушая шорох ветра в кронах деревьев, и думал. И даже барабанил пальцами по рулю, в точности как делал это на стоянке для тяжёлых грузовиков у Космодрома, когда

в памяти профессиональной карточки ждало моего решения Послание, в тот момент ещё с маленькой буквы...

Вдоль забора Надречной авиабазы, а ныне свалки бывшей боевой техники, кто-то когда-то додумался посадить сосенки. И теперь они вымахали, как сторожа, словно стараясь уберечь то, что не смогли сохранить сами люди...

Я глядел в высокое голубое небо над вершинами сосен вдоль забора заброшенной авиабазы. Что значит для человека возможность творить? Да, именно возможность творить, чтобы хоть на шаг приблизиться к нему, к этому небу, к этой потерянной мечте? И к своей мечте, и к чужой... Самому сделать этот шаг, своими руками вновь проложить этот путь... Ради такого, возможно, стоит жить на помойке! Хотя, если разобраться, – есть всё-таки разница между городской свалкой и кладбищем лётной и космической техники. Но многим этого, конечно, не понять...

– Нет, – решил я, трогая джип с места. – Нет, Батт, я не оставлю тебя без твоего кусочка неба. Даже если ты и вправду пропьёшь все мои деньги... Но я в тебя верю! Я знаю, я готов поручиться, что ты этого не сделаешь...

Детонатор страха

Страх – он как бомба, вечно таящаяся в душах непосвящённых. Эту всеразрушающую субстанцию не нужно даже доставлять на объект поражения. Если там есть люди – он уже там. Нужен лишь детонатор, чтобы рвануло...

Кута Ш, Улл. «Руководство по активной политике», св. 1, стр. 16

Я за рулём. Я опять веду машину к столице, к Инаркт. В этот раз никакого лимузина: Крылатый остался в гараже на базе. Я на джипе, хотя тысячу километров на нём пилить довольно утомительно. Даже по Шоссе. Но в этот раз дело серьёзное – мне поручено расследование. Может быть, придётся помотаться по окрестностям столицы. Я посчитал, что «на той стороне» мне понадобится джип, чтобы колесить по местным дорогам, которые немногим лучше, чем у нас, в Кодде. Лимузин для этого не подойдёт.

Какое расследование? О, сейчас расскажу! Тема что надо! На контейнерном терминале, что примыкает к лётному полю Космодрома у Восточного портала, по ночам были замечены какие-то таинственные явления. То ли блуждающие огни, то ли призраки... Да ещё и пост Гражданской гвардии у посёлка Пятидесятка запеленговал исходящие оттуда же какие-то отрывочные радиосигналы. Вот это класс! Самая настоящая таинственная муть! Первыми пожаловались на эту ерунду таможенники, которым приходится коротать ночи среди многокилометровых рядов громадных герметичных восьмигранных металлических ящиков. Стандартизованных универсальных контейнеров для межпланетных перевозок, которые давно уже никто никуда не перевозил...

Большинство этих контейнеров попало сюда вместе с грузами многие десятилетия назад, когда товарооборот был ещё вполне приличным. А теперь, когда корабли на Имлт стали летать куда реже, пустые контейнеры безнадёжно ожидают обратных порожних рейсов. Такие рейсы случаются, конечно, однако их слишком мало, чтобы всё это вывезти. Но я знал и то, что удивило бы многих обывателей: далеко не все контейнеры на этом терминале площадью в десяток квадратных километров были пусты. Да-да, там было полно контейнеров, которые никогда даже не распаковывались! Конечно, рядовому здравомыслящему жителю нашей нищей колонии, незнакомому с основами межпланетной экономики, это может показаться противоестественным расточительством, но это так...

Какие-то грузы заказывались правительством по всяким льготным программам, да потом, в связи с перманентным финансовым кризисом, их так и не удалось выкупить... Какие-то товары завозились сюда торговцами впрок, попутным грузом, в расчёте потом продать – и расчёт не оправдался... И перспективы до сих пор неважные... Что-то поступило в рамках экономической помощи по линии Малого Кольца, но поскольку уже первые этапы всяких реформ и программ реструктуризации Кондукторией обычно проваливались или бесконечно затягивались, то грузы, которые должны были быть переданы правительству на втором, третьем и последующих этапах, так и оставались за таможенной границей, на контейнерном терминале.

О том, чтобы вернуть это всё обратно отправителям, и речи быть не могло. С учётом стоимости космических перевозок, особенно если вспомнить, что при возврате грузов автоматически исключались льготные транспортные дотации со стороны Космодрома... Так и томилось тут всё это добро долгие годы. Жарилось под летним солнцем... Поливали его бесконечные осенние дожди... Зимние ветра стегали метелью... Но звёздная сталь гермоконтейнеров не боялась ни жары, ни дождя, ни снега. Даже краска на них выглядела всё такой же свежей – не облупилась, не потускнела. Но какая-то обида, как мне кажется, может накопиться и в неодушевлённых предметах... Особенно когда их так много да в одном месте! И всех их так

одинаково обижают... Давно уже пора было призракам завестись на контейнерном терминале у Восточного портала!

Насколько я понял, сами призраки как таковые никому не мешали. Радиопередачи вряд ли могли содержать нечто важное – что нового, ранее неизвестного, можно узнать среди тысяч и тысяч заброшенных на года герметичных стальных ёмкостей? Но рядом был Юго-Восточный портал, Главная Резиденция Космодрома, как-то неприлично получалось... Словно мыши у нас в чулане завелись... В итоге ещё и запрос по этому поводу недавно поступил – по линии Парламентской Миссии Малого Кольца. Вот и отправили меня разбираться!

С утра небо хмурилось. И Уарата с высоты Первого моста выглядела как-то неприветливо, тяжело отблёскивая неровной поверхностью своих вод на перекате. А как раз после Круга пошёл морозящий дождик. Ужасно лень было останавливаться у самой столицы и поднимать складную крышу джипа... И я только скорость прибавил, надеясь на тайны аэродинамики – полагал, что за счёт вихря у лобового стекла не так сильно намокну. Да и тёплый летний дождик – это вовсе не ледяной осенний ливень.

Сержант велел мне не торопиться: прежде чем лезть к таможенникам на терминал, сначала изучить обстановку, посетить контору Папаши Корна и проглядеть таможенные ведомости по скопившимся на терминале контейнерам. А ещё я хотел заехать посоветоваться к Чакту – может, старый звёздный охотник что-нибудь подскажет по поводу призраков на площадке для космических контейнеров? Да и Сержант мне это настоятельно советовал... В общем, получилась целая операция, на несколько дней. Это и правильно: расследование – так расследование. Всё нужно делать обстоятельно. Куда спешить?

Вот я проехал Континентальную стрелку Шоссе. Всё-таки странно, что стрелка у столицных в черте города. Выглядит как не слишком большая площадь, вокруг тротуары и даже скверик. И житейская суета, по-моему, как-то скрадывает значимость этого объекта – машины снуют туда-сюда, люди ходят... На мой взгляд, должной торжественности нет. То ли дело у нас, в Кодде – восьмиугольную бетонную площадку Океанской стрелки Шоссе окружают величественные сосны. И ни души, тишина... Хотя, возможно, жителям Инаркт просто трудно понять значение идеальной дороги длиной в тысячу километров. Зачем куда-то ехать из столицы?

На проспекте Торжества Кондуктории я постоянно кручу головой. Я редко бываю в Инаркт, и мне здесь всё интересно. Магазины, нарядно одетые люди, лёгкие цветные зонтики вместо привычных для меня капюшонов тяжёлых рыбацких плащей... Ну конечно, я ведь деревенщина... С другой стороны, как призраков на контейнерном терминале гонять – так меня позвали! Ни за что местная полиция к инопланетным контейнерам не полезет! Тут нужен специалист соответствующего уровня. Странно, но эти два вроде бы взаимоисключающих начала как-то во мне сочетаются...

Вот остался позади поворот на улицу, ведущую к Правительственной площади. Я не видел сейчас, проезжая, но легко представил себе, как равнодушно смотрит на неё своей глухой, подмоченной дождём стеной тяжеловесное здание Кондуктории. А на стене той – след пулемётной очереди, как знак памяти событий на пятое Переворота.

Мне нужно проехать ещё несколько кварталов. И вот она, штаб-квартира таможенного крыла адвослужбы. Это прямая противоположность организованной по-военному базе оперативного крыла, где я служу. Таможенная штаб-квартира – это банальный офис. Ну, может быть, шикарный, по нашим колониальным меркам, офис. Но не более того...

Лениво ворочая рулём, я выписываю размашистый вензель по обширной стоянке, размеченной, наверное, на сотню автомобилей. Однако у многоэтажного здания с фасадом передового дизайна, сплошь из дымчато-зеркального пластика, не припаркована ни одна машина. Нет, сейчас будет одна – моя.

Идеально гладкий асфальт пустой парковки, мокрый от дождя, отражает хмурое небо. И дымчатое зеркало фасадных панелей – тоже... И опять мне почему-то вспомнилась пустая стоянка у Главной Резиденции Космодрома под проливным дождём... Теперь эта история с Посланием, наверное, вечно мне в голову будет лезть...

Впрочем, аналогия сейчас была вполне очевидная – что-то общее действительно наблюдалось. И не только образная ассоциация: таможня вполне логично связана с внешним грузопотоком. И если его почти нет, то пусто будет и тут, перед зданием с зеркальным фасадом, и там, на площадке для грузовиков-контейнеровозов. А там уж и до какого-нибудь Послания совсем недалеко...

Первым делом я поднял крышу джипа: а то вернусь потом к машине, усядусь за руль – и сразу зад намокнет... Я не торопился: был только третий час дня, недаром же я затемно из Кодда выехал. Судя по полному отсутствию машин, Папаши Корна на месте не было, а девчонки из его секретариата начнут по домам разбегаться не раньше шести. В том, что все материалы для меня готовы, я не сомневался – Сержант вчера сказал, что с таможенным адвокатом всё улажено...

В коридоре центрального офиса таможенного крыла адвосулужбы явственно висела пыль. Две молоденькие брюнетки с нашивками младших референтов выглядели измученными и смотрели на меня затравленно. Рукава их белых блузок были закатаны, тёмные форменные юбки все в серых полосках – следах прикосновений пыльных папок. В зале для брифингов огромный стол был завален разноцветными стопками древних коносаментов...

– А что, электронный архив уже отменили? – искренне удивился я, представившись по форме и предъявив свою профессиональную карточку.

– Не отменили. Но шеф велел всё заново вручную сверить! – развели руками девушки.

Это они не моего, а своего шефа имели в виду – Папашу Корна. Тот, оказывается, тоже бывает строг...

– Сверить? – я растерянно оглядывал бесчисленные кипы пыльных листов писчего пластика, заполненного убористыми надписями и таблицами на языке технический итик.

– Да, сверить весь зависший груз за двадцать пять лет! – жалобным хором сказали девицы.

Двадцать пять лет! Двадцать пять лет назад мне было ещё только два года от роду! И уже тогда, оказывается, поступали на планету какие-то ценные грузы, не востребованные до сих пор... Обалдеть...

– И вы вдвоём... – я просто не знал, что и сказать.

– Это всё... – я поражённо обвёл руками заваленный пачками коносаментов зал.

– Вшестером! – воскликнули девушки и поведали мне, что за эту ужасную неделю Пакил порезала о папки руку, рука сильно воспалилась, и бедная Пакил теперь на больничном. Ула и Уара тоже заболели, а у Иалу открылась аллергия, и она, несмотря на принятые таблетки, сейчас беспрерывно чихает и плачет в туалете.

Стоп! За неделю?! Опять получается, что операция началась раньше, чем я, главный исполнитель, о ней узнал? Впрочем, пора бы уже привыкнуть... Не в первый раз...

Конечно, они не вбивали всё это заново своими пальчиками с терминала. В верхнем правом углу каждого бланка коносамента даже сквозь пыль десятилетий сиял оттиск восьмилучевой золотой звезды – шифропечати Космодрома. Вживлённый в неё микрочип в точности дублировал в закодированном виде содержание каждого документа. Это был шифрованный децентрализованный архив. Достаточно было только по одному подносить листочки к скоростному электронному сканеру... Но всё равно – работы очень много получалось...

– Ну и как, всё сошлось? – осилил я, наконец, правильный вопрос.

Хотя раз Сержант заставил Папашу Корна перепроверить архив, он заподозрил недоброе... В том, что это наш Сержант настоял на проверке, я был просто-напросто уверен. А раз сам Сержант что-то заподозрил – то это с большой вероятностью так и окажется...

– Нет! – подтвердили мою догадку девушки.

– Но этого не может быть! – не сдержался я. – Таможенный архив – это же государственное... Это же общепланетное значение... Доступа же ни у кого...

Девчонки переглянулись и одарили меня двумя грустными улыбками.

– Шеф наш всё то же сказал – слово в слово! И ногами ещё топал... Тогда-то Уара в обморок и упала...

Я взъерошил волосы и принялся ходить по залу.

– И что не совпало? Недостача груза, расхождение с коносаментом?

– Нет, не так... – девушки вразной махнули руками. – Коносамент в пластиковом архиве есть, а в нашем электронном архиве его нет.

– А в архиве Космодрома тоже нет? – изумился я.

Не могли же контейнеры с неба попадать?

– Но там ведь только номера от бумажек, а список грузов не хранится... – девушки были явно удивлены, что агент с зелёным кристаллом на профкарте не знает таких простых вещей.

– И сколько таких «призраков» оказалось? – разволновавшись, я невольно вплёл в торопливо заданный вопрос кое-что из своего служебного задания.

– Не так уж много, – вздохнула одна из девушек.

– Штук сто пятьдесят примерно, – уточнила другая.

«Ничего себе», – подумал я. – «Это же несколько тысяч тонн груза».

– И что там, в этих неучтённых контейнерах? – я всё пытался найти какое-то логическое объяснение произошедшему.

– Разное, – девушки только плечами пожали.

Наконец мой мозг из расслабленного дорогой состоянием смог переключиться на оперативную волну, и вопросы стали более осмысленными:

– А кто получал доступ к архивам в последнее время?

Одна из девушек, пройдя к терминалу, над которым сияло призрачное полотнище голографического проектора, устало спросила:

– За какое именно время?

– За последний месяц, – наугад потребовал я.

– За последний месяц – никто, – был мне ответ.

– Что, вообще никто?

– Вообще никто, – девушка, опустив перепачканные в пыли руки на пирамидку, покорно ждала следующего вопроса.

– За полгода?

Девушка пошевелила пальцами на интерфейсной пирамидке и, наклонив голову, смотрела, что компьютер пишет ей в ответ.

– Только сотрудники адвослужбы... Дважды, – сказала она и, не дожидаясь моего нового вопроса, уточнила. – Только я и господин Корн.

– А за пять лет?

Девушка вновь пробежала пальцами по интерфейсной пирамидке.

– Тоже никто из посторонних, – вздохнула она. – Только агенты адвослужбы... Только сотрудники Парламентской Миссии Малого кольца...

– Кто-кто? – встрепнулся я.

Видимо, я снова не сдержал эмоций, и потому младший референт таможенного крыла адвослужбы колонии Имллт очень удивилась:

– Ну так ведь по межправительственному соглашению же... Мы же обязаны... Но только на основании официального запроса... А что тут такого-то?

Прикрыв глаза, я жестом остановил её... Я боялся, что вопрос – тоже очень важный, – только что родившийся у меня на языке, соскользнёт, забудется, и я потом буду мучиться, топтаться на месте и пыхтеть, пытаюсь вспомнить...

– А вы не пытались сверить списки номеров коносаментов из архива Космодрома с вашим электронным архивом, чтобы точно узнать, каких именно не хватает? И чтоб ни одного не пропустить?

Что-то мелькнуло в глазах девушки, стоявшей у терминала, – видимо, с этого мига мой статус в её глазах вновь поднялся до должного уровня.

– Вот!! – опять хором воскликнули обе устоявшие в канцелярском сражении младшие референтки. – Только что три последних на пластике отыскали! И ввели заново!

– То есть ваш архив теперь полный? – я ошалело потёр лоб. – А восстановленные номера догадались пометить? Чтобы знать, что пропало?

– Конечно-конечно! – с радостной ехидцей пропели мне усталые девушки, которых я теперь мог с полным основанием называть коллегами...

«Сто пятнадцать тысяч четыреста восемьдесят две штуки гермоконтейнеров! – твердил я себе под нос, старательно объезжая ямы и выбоины на почти пустом проспекте Торжества Кондуктории, благо на блестящем от непрекращающегося дождя дорожном полотне они были заметны издалека. – Несколько квадратных километров ими сплошь заставлены... И найти там сто пятьдесят три штуки подозрительных! Спасибо вам, девочки... Вы-то хорошо потрудились. А вот что мне делать...»

Стыдно признаться, но я даже не знал, с чего начать. Самое главное, что у меня даже не было уверенности, что странности с учётом застоявшихся контейнеров как-то связаны с поселившимися на грузовом терминале призраками, которых меня послали отлавливать. Хотя... «Где скребётся – там и мышь», – так гласит народная пословица общины Земледельцев. Ну и что мне толку сейчас с этой народной мудрости?

Но как же смотрели мне вслед эти пропылённые девчонки, с честью выдержавшие битву с четвертьвековым архивом! Как махали ручками! Уж они-то были уверены, что агент с зелёным кристаллом доведёт дело до конца... Эх!

За этими невесёлыми размышлениями я почти до самой стрелки Шоссе по проспекту доехал. Но вот мой оперативный джип сворачивает с прямой и понятной дороги куда-то налево, в неприметную улицу...

Наступал вечер, однако солнце должно было быть ещё довольно высоко. А летом и темнеет-то поздно... Но казалось, что сумерки уже наступили – такие тучи собрались сегодня на небесах, что в окнах кое-где даже свет зажёгся.

Узкие улочки окраины Инаркт... Я не очень-то хорошо их знал. Да, в своё время я тут часто бывал, но тогда я ходил пешком от ближайшей остановки автобуса на проспекте Торжества Кондуктории. В те годы мне не было необходимости держаться дорог, я ломил напрямую, через пустыри, по едва приметным тропкам... По прямой получалось чуть больше шести километров. Часто я даже пробегал этот маршрут, чтобы и время сэкономить, и физическую форму побыстрее набрать... Сначала было трудновато, а к старшим курсам университета – пробегал уже единым духом! И в любую погоду причём... Это сейчас я сдерживаю машину на кривых улицах посёлков-спутников, чтобы не проскочить нужный поворот в хмурой дымке моросящего дождя...

Каждый раз, как еду сюда, всё гадаю – заблужусь, не заблужусь? Ну не шлем же надевать, в конце концов! И сам себя вопрошаю: «Неужто юношеская память не выведет меня?» Но ни

разу это чутьё, зародившееся как-то незаметно, не подвело... Я чувствую звёздный корабль Чакта! Он, по моему мнению, тоже достоин прописной буквы, как и Шоссе... Корабль... Он где-то там, я ощущаю направление. И пускай для кого-то это просто экзотическая железяка на пару десятков тысяч тонн, вросшая в землю где-то на глухой столичной окраине. И пусть тысячу раз правы те, кто называет это просто космическим металлоломом... Для меня Корабль навсегда останется сказочной тайной, которая уже самим фактом своего существования оправдывает и эти покосившиеся сараи вдоль дороги, и потемневшие крыши, и щербатые заборы, и редкие ранние огоньки под хмурой пеленой мороси... Вот видите, некоторых ни возраст, ни профессия не излечивают до конца...

И вот уже под колёсами почти заросшая просёлочная дорога, ветви кустов тянутся к лобовому стеклу, шелестя мокрой листвой. Дорога ныряет в неглубокий, но широкий овраг, а потом взбирается на бугор, по гребню которого торчат покосившиеся столбы воздушной линии волновода. Этот волновод – первый признак близости Корабля. Местные умельцы его сварганили, и мой старый учитель потихоньку через него приторговывает энергией со своей вспомогательной силовой установки, которую ему удалось починить. На целый небольшой посёлок хватает...

По дальнему скату бугра тянется перелесок. Вот деревья подступают ближе, и линия волновода уходит в просеку. Примерно в этих местах, на другом конце этой просеки, меня когда-то ранили ножом...

Теперь мне уже нипочём не сбиться с дороги! Вот сейчас кустарные деревянные столбы линии волновода начнут взбираться на потемневший от дождя крутой склон, а дорога вильнёт вправо, огибая выросший впереди холм, потом пойдёт вниз... Там глина, и колёса могут скользить. Когда дорога размокает, нужно осторожнее... Справа овраг.

Конечно, дорога проложена не к Кораблю, но проходит очень близко от места, где он упал. Нужно только знать этот съезд, не пропустить небольшой перерыв в густом придорожном кустарнике...

Сам Корабль хорошо виден только с холма. С дороги его совсем не видно, и потому тринадцать лет назад, во время событий на пятое Переворота, наш маленький отряд ополченцев из гимназистов-первокурсников вынужден был бросить грузовик у поворота просёлка. Волоча с собой тяжёлые устаревшие импульсные винтовки, мы вскарабкались по склону на безлесную вершину и увидели всё...

Столб пыли, поднятой Кораблём при падении, постепенно оседал, с неба сыпались какие-то веточки, травинки... Огромный вал рыжей, только что вывороченной земли и уткнувшийся в него металлический исполин... Если смотреть сверху, по форме звёздный корабль напоминал то ли морского ската, то ли плоский наконечник стрелы охотничьего арбалета. Это был корабль-охотник, именно охотник – я уже тогда в этом хорошо разбирался. Может, даже пират... Наружные его формы были предельно просты и рациональны. Но даже выпускник ремеслухи с одного взгляда мог почувствовать огромную разницу между внезапно соприкоснувшимися мирами... Сложный узор толстенных броневых плит из тёмного металла буквально завораживал взгляд...

Это я, именно я, завидев из кузова грузовика падающий звёздный корабль, стуча кулаком по крыше кабины, стал кричать, что нужно повернуть и ехать за ним. Не на какие-то неизвестные никому баррикады – а за ним! Я был уверен, что это сейчас во сто крат важнее... И вот мы его нашли, и никто не знал, что делать дальше... Я тоже не знал. Но, продев голову в оружейный ремень и подтянув винтовку так, чтобы она улеглась поперёк спины, я первым стал спускаться вниз по склону. И первым с земляного вала перебрался на корпус корабля. А потом стал карабкаться по нему, скользя перемазанными в глине ботинками по холодному чёрно-серебристому

металлу и цепляясь руками за скошенные края толстенных плит обшивки, исходя из каких-то загадочных инженерных решений положенных внахлест... Каждый раз, касаясь корабля, я подсознательно боялся, что это всего лишь мой материализовавшийся детский сон и вся эта громадина вот-вот растает в воздухе... Но, к сожалению или к счастью, это был никакой не сон... Это была моя судьба – не больше, не меньше...

Потом я часто поднимался на вершину холма, прежде чем подойти к Кораблю. Стоял, думал, вспоминал... С годами вал выброшенной при ударе земли зарос травой и уже почти не отличался от элементов окружающего ландшафта. Только звёздному металлу ничего не делалось – дожди и снега, летняя жара и зимний холод не оставили на нём никаких видимых следов. Всё так же чётко был прорисован чарующий узор тёмных, с едва заметной серебришкой, не тронутых ржавчиной броневых плит наружной обшивки...

А однажды с этого холма было мне видение... Случилось это холодным солнечным вечером, примерно в середине Снегопада, первого месяца зимы. Взобравшись на холм, я увидел девушку. Всё вокруг было в белом пушистом снегу. Кроме самого звёздного корабля, конечно... Покрытые инеем голые ветви деревьев и кустов, что росли по склонам холма, пускали алые и золотые искры. Выстуженное морозом небо над головой, удивительно чистое и голубое, постепенно наливалось нежными красками заката. И самая обычная девушка, в серо-зелёной куртке и длинной тёплой юбке, шла по плитам обшивки корабля, которые в лучах заходящего солнца казались иссиня-чёрными. Невысокая ростом, тёмненькая, симпатичная – она, не замечая меня, привычно шагала с плиты на плиту, сдвинув на затылок капюшон куртки. Уверенно подойдя к горловине абордажной шахты, она, перешагнув через клиновидные зубья кольцевой фрезы, опустилась на одно колено, быстро подоткнула под себя юбку и, убрав со лба волосы, взялась за скобу бронированного люка со скрытой в ней кнопкой...

Я знал, что у Чакта были, так сказать, контакты с отдельными жительницами окрестных посёлков. Злые языки говорили, что это местная община так частично рассчитывалась с ним по долгам за полученную энергию, добывая остальное свежими продуктами и предметами первой необходимости. Денег-то, как обычно, не было ни у кого... Но никто из местных дам не рисковал проникать внутрь звёздного корабля – Чакту даже пришлось заказать плотнику маленький домик вроде сторожки. Приткнулось это сугубо планетянское сооружение в укромном месте, между склоном холма и бортом корабля. Так вот, эта девушка совсем не походила на посетительниц сторожки, выстроенной на культурной границе миров планетян и косможителей. Но всё равно я ещё маялся минут десять, раздумывая – стоит ли мне сегодня идти подниматься на борт, через ту же самую абордажную шахту левого борта... А оказалось всё по-другому – выяснилось, что в тот период я был у Чакта уже не единственным учеником из планетян.

Девушка была с Дамода, одного из далёких миров Малого кольца. Звали её Илед. Попала она к нам на Имлт по программе так называемого молодёжного обмена, которую почти в открытую признавали мероприятием по оздоровлению и перемешиванию генофонда. Училась она в экономическом колледже при особом женском пансионе на специалиста по межпланетной торговле. Этот закрытый пансион считался чрезвычайно престижным и напрямую финансировался по какому-то гранту Парламентской Миссии Малого Кольца – даже филиалом столичного университета он побрезговал назваться. Но как ни ковали из уроженки Дамода представителя будущей местной экономической элиты, всё ей было не в радость.

Дамод считался не слишком-то развитым миром, но по сравнению с ним наша малонаселённая колония Имлт показалась девушке просто пределом дикости и отсталости. Да и по пути сюда у неё что-то там необычное произошло. Какая-то история при орбитальной пересадке у ДиУлла – умудрилась попасть в рабство к пиратам вместе с несколькими подружками-экспатриантками. И в конце своих злоключений она безнадежно влюбилась в молодого командира корабля-охотника. Не в того, что захватил её с подружками в рабство. В другого,

который, выменяв на что-то при орбитальной торговле попавших в беду планетянок, благородно довёз их до изначального места назначения. А потом продал за бесценок правительству Кондуктории, умудрившись и доброе дело сделать, и негласный кодекс звёздных охотников не нарушить. У немолодого правительственного агента на Космодроме тряслись руки от волнения – на его бюджетной карте не было ни одной лишней эквы, и он даже думать боялся, что было бы, если бы охотник потребовал обычную цену за головы молодых рабынь... Но рейдер запросил за каждую ровно ту смехотворную сумму, которую готово было уплатить правительство...

Благородный светловолосый капитан улетел, а Илед осталась... Молодому звёздному охотнику девушка тоже, вроде как, приглянулась, но они были из разных миров, и не только космические дали теперь разделяли их... Глубину пропасти между планетянами и косможителями Илед успела быстро изучить на собственной шкуре. Но физические пропасти и любовь существуют в разных измерениях мироздания...

На нашей планете Илед была совсем чужой. Она почти ничего не знала про Имллт, даже прожив здесь больше года, только к адапту-25 слегка привыкла. И уж конечно, история колонии её вовсе не интересовала. Кровавые события на пятое Переворота были для Илед совершенной абстракцией и существовали в её мозгу только как один из вопросов на зачёте по краткому курсу колониальной государственности и права... На корабль Чахта она наткнулась случайно, слоняясь от скуки по окраинам Инаркт.

И это всё поменяло в её жизни! Опять появилась надежда! Даже за призрачный шанс выучиться чему-то, что может помочь упорхнуть из планетарной клетки, которой, видимо, представлялась ей наша колония, Илед была готова отдать что угодно... Только вот не было ничего у неё за душой... Но Чахт если и был из пиратов, то непременно из тех самых, почти мифических, «благородных пиратов». Как я теперь понимаю, занимался с нами Чахт больше от скуки. Или в ленивых попытках проверить на практике свою концепцию гуманизма... Сделка престарелого командира навеки застрывшего в глухой колонии корабля-охотника и юной планетянки по уровню космического бескорыстия была сродни той, что заключил с колониальными властями принёсший её на Имллт рейдер: «Всё, что у тебя есть – на всё, что нужно, чтобы уйти в космос и не быть там обузой». И появилась у старого звёздного пирата ещё одна ученица. В обмен на смешную по сути плату.

Кстати, у косможителей не принято такими вещами шутить, у них всегда всё серьёзно – я знал, что все годы своего обучения Илед жила впроголодь и честно приносила учителю почти всю свою грошовую стипендию, что выдавалась на руки в пансионе. Я не помню у неё никаких украшений – ни колечек, ни серёжек, ни даже цепочки на шее... Сделка – значит сделка! Не думаю, что Чахту нужны были эти деньги. Когда он когда кормил нас с ней в корабле в перерывах между тренировками и ремонтными работами, наверняка куда больше потратил в финансовом исчислении. Но педагогический эффект был несомненным. Возможно, это был один из моментов воспитания косможительницы из планетянки.

Я, в отличие от Илед, покидать свою родную планету не собирался, и потому учились мы с ней, в общем-то, разным вещам. Да и посещали Чахта чаще всего в разное время. Но порой он устраивал нам кое-какие совместные занятия, да и работы по обслуживанию и ремонту повреждённых систем корабля, на которые нас по выходным припахивал звёздный учитель, мы часто делали на пару. Ну и, конечно, рассказы об обычаях мира косможителей, о торжественных внутрикорабельных ритуалах, а также всякие легенды мы оба слушали, открыв рот.

Ах Илед, молчаливая темноволосая красавица... Чьё сердце унёс с собой в другие звёздные системы светловолосый космический охотник... Я до сих пор фотографически точно помню твоё круглое личико... Твои удивительные зелёные глаза... Острый носик, плотно сжатые терпеливые губы, тонкие пальцы, перемазанные в графитово-молибденовой смазке... Конечно, я в тебя влюбился! Но, увы, у моей первой любви не было шансов. Совсем никаких...

Скажу больше: провозившись весь выходной день во мрачных внутренностях лежащего на грунте звёздного корабля, мы даже спали частенько в одной каюте. И ничего... И дело было даже не в том, что, измученные космической техникой, мы падали каждый на свою койку как убитые. Всё было сложнее: Илед и стеснялась-то меня только из уважения. Примерно как брата... Она всегда верила, что у неё получится задуманное. И это было сильнее моих скромных чар. Однажды я, потеряв немного контроль, чуть придержал её у переборки санузла, когда она выходила из душа. Илед же только посмотрела мне прямо в глаза и, плотнее стянув на груди полотенце, стала ждать, пока я её отпущу. Одного её долгого взгляда мне оказалось достаточно. Я понял, что она была уже вся там – в своём космосе...

Да, теперь каждое моё возвращение на корабль Чахта – это воспоминания. Словно приоткрывается дверь в мою юность... Раньше я за собой такого не замечал. Может, это всё потому, что я тут бываю теперь очень редко? Гораздо реже, чем даже на Космодроме. Что поделаешь, служба...

Едва заметная дорожка, скорее просто прогалина в кустах, огибая холм у самого подножия, выводит меня на лужайку прямо у Корабля, упираясь в ту самую сторожку на интимной границе миров. Борт космического исполина нависает над лужайкой чёрным тысячетонным металлическим крылом. С него свисают несколько старых армейских маскировочных сетей. Я заруливаю под них – сети повешены так, что спрятанную за ними машину даже с холма не увидеть. Взяв свой боевой шлем под мышку, я какое-то время иду под самым корабельным бортом, изредка касаясь пальцами холодных плит звёздной брони. Зачем? Неужто всё боюсь, что мой детский сон исчезнет? Нет, не исчезнет мой сон – он уже и кровью моей с этим миром повязан. Но пойдя это своему подсознанию объясни...

Дождь сыплется за шиворот куртки, когда я карабкаюсь на поросший травой склон земляного вала у носа корабля. Чтобы перебраться с него на корпус, теперь уже не надо взбираться по плитам обшивки. За эти годы Чахт умудрился выровнять лежащий на грунте корабль – перекидав лопатой несколько сотен тонн земли, от сумел приподнять нос, частично выпустив передние посадочные опоры, и крен на левый борт тоже удалось практически ликвидировать. В итоге корабль почти сравнялся с вершиной образовавшегося при его падении земляного вала, по крайней мере, со стороны холма. И теперь можно было, отряхнув руки, которыми пришлось хвататься за мокрую траву, просто перейти на спину металлического исполина. И шагать с плиты на плиту, уже который раз удивляясь, как неровно сделана такая обтекаемая при взгляде издалека гигантская машина.

У корабля множество входов-выходов, но основными Чахт постановил считать абордажные шахты. Особенно левую переднюю – ту, что ближе всего к тропинке, сторожке и земляному валу. Это сокращает попадание в корабль пыли и грязи летом и снега зимой. Перешагивая через клыки обрамляющей люк кольцевой абордажной фрезы, которой явно не раз пользовались в прошлом, я улыбаюсь. Ребристый люк выглядит тяжёлым, и ручка на нём фундаментальная. На ней, по традиции, на языке технический итик крупно выгравировано название корабля: «Звёздная искра».

Кнопка на ручке не видна – она утоплена в металл с обратной стороны. Её легко нащупать, если взяться за ручку поплотнее, охватить её пальцами так, чтобы буквы названия корабля отпечатались на ладони. Но непосвящённым этой кнопки лучше не касаться. На люке и вокруг него повсюду едва заметные форсунки системы продувки и охлаждения, которая при абордаже работает на полную мощь. Но даже и сейчас, в так называемом санитарном режиме, впечатлений хватит за глаза... Что меня поразило, когда я впервые увидел Илед, – так это то, что девушка знала про эту хитрость и ловко подоткнула под себя юбку, прежде чем коснуться кнопки. Удар ревушей воздушной струи даже куртку способен сорвать, если её локтями не придержишь. Зато на ботинках ни пылинки не остаётся, ни капельки воды...

А люк, кстати, – никакой вовсе не люк: он называется десантной площадкой. При нажатии кнопки он не открывается, а одним махом проваливается внутрь, в стакан абордажной шахты. Это тоже особенность, которую надо знать: ручка не для того, чтобы тянуть, а для того, чтобы держаться. А то шею свернуть можно легко...

Впрочем, посторонним эта система, совершенно дикая по своему устройству с точки зрения обычного здравомыслящего планетянина, ничем не угрожает – без указания своего командира корабельный компьютер попросту не пустит чужого. Например, окрестные детишки, несмотря на строгие запреты взрослых, корабль периодически навещают... Да только побегают по верху – и всё!

Я-то как раз не чужой... Но я всё-таки планетянин... И как бы я ни убеждал себя, что все страхи преодолел ещё в юности, всё равно, когда я берусь за массивную холодную ручку десантной площадки и начинаю искать пальцами большую металлическую кнопку с внутренней стороны, внутри лёгкая дрожь...

Эх! Абордажная шахта всегда освежает! Как жажнет воздухом продувочная система, как ухнет вниз десантная площадка! Только держись! И вот ты стоишь в темноте, моргаешь глазами, пытаешься привыкнуть к скупому аварийному освещению, которое горит здесь уже тринадцать лет, и пытаешься успокоить сердце, прыгающее где-то у горла...

Теперь нужно сдерживать первоначальный порыв сразу куда-то двигаться. Сначала надо вызвать в мозгу объёмный план корабля, чтобы не позориться, слепо тыкаясь вдоль стен...

«Левый верхний абордажный коридор, – мысленно повторяю я про себя, прикрывая глаза. – Носовые люки в обоих верхних коридорах здесь всегда задраены. Сейчас нужно на десять метров в сторону кормы, там – на вертикальный трап вниз, на верхний уровень главного трюма. А там, в твиндеке, разберёмся».

Мне нужно в главную рубку – там вероятность найти Чакта наибольшая. Ну, или можно быстро выяснить, где он, глянув на мнемосхемы контрольных систем корабля.

Гостей Чакт никогда не встречает – вот ещё... Хотя он всегда знает про них заранее. Работу большинства корабельных систем Чакт за эти годы смог восстановить – пираты всегда возят с собой запас оптронных блоков. Многие даже по силовой энергетике удалось починить – линия волновода на кривых столбах тому живое доказательство. Правда, поле зрения датчиков наружного наблюдения получилось неравномерное: в сторону низины оно гораздо большее, чем в сторону городской окраины, где местность приподнимается. Да и холм немного мешает.

Я и сам частенько забавлялся, разглядывая через обзорные системы корабля окружающую местность и наблюдая за размеренной жизнью ближайших дворов в долине речки Холодная, до которых было километра два. Помню, как-то целый час подглядывал, как две симпатичные девушки копают огород... Это я сам, давным-давно, настроил всё так, что, если по проходившей у корабля просёлочной дороге ехала машина, бортовой компьютер находил по отсекам обитателей корабля и включал там тихонько пиликающую сигнализацию. Поэтому я был уверен, что Чакт наблюдает, как я заруливаю на потайную стоянку для машин и как карабкаюсь по мокрой траве на земляной вал, которому уже почти полтора десятка лет. И теперь поджидает меня в рубке, развалившись в своём командирском кресле. Но я ошибся...

В рубке никого не оказалось, и я стал разглядывать мнемосхемы внутрикорабельной контрольной системы. Чакт обнаружился в оружейной мастерской.

Профессия оружейного мастера – это то, что я всегда мечтал освоить. Но всё как-то не складывалось. Когда я только начинал учиться у Чакта, я ещё просто-напросто не знал, что такая существует. А Чакт учил меня тому, что, как он считал, может пригодиться планетянину в первую очередь. И он был, в общем-то, прав – рукопашный бой и владение простейшим оружием столько раз меня выручали... Он старался особо не приучать меня к сложной технике: где её в планетянских условиях взять? Ну разве что боевой шлем с боевым костюмом, штурмо-

вое оружие... Да и то Чакту удалось вдолбить мне в голову пристрастие именно к пистолету – простейшему механическому устройству, к которому горсть патронов можно достать везде. А боевую батарею от импульсной или лучевой игрушки в каком-нибудь лесу может оказаться нечем зарядить, для постоянной работы с такими вещами развитая инфраструктура нужна... Или звёздный корабль под боком. А вот Илед он учил совсем другому. И я втайне завидовал ей, хотя умом понимал, что судьбы у нас с ней разные.

И всё же отсек оружейной мастерской всегда манил меня... Возможно, это и вправду было почти бесполезное для меня знание, но эти бесчисленные разноцветные огоньки в бархатной темноте... Каждый – на конце тонкого гибкого манипулятора, напоминающего механический цветок. Все эти стебельки на рабочих стендах, на стенах и даже на потолке шевелятся, каждый выполняет какую-то свою работу... И если войти в оружейную мастерскую без шлема, как это сделал сейчас я, то кажется, что огоньки во тьме вокруг тебя исполняют какой-то сложный танец. На первый взгляд – хаотический, но, если присмотреться внимательно, начинаешь чувствовать какую-то сложную логику... Непонятную и оттого немного пугающую... Они вечно что-то плетут, эти огоньки: то микроскопическую оптоволоконную сеть для прицельных датчиков боевого костюма, то капиллярную сеть системы терморегуляции... Вечно что-то режут, клеят, паяют, шьют – и всё одновременно. Это похоже на тысячи раз повторенный модуль киберхирурга... Но тот только шить умеет...

– Шлем принёс? – послышался из темноты хриплый голос моего учителя.

Вот так просто, с ходу... И тон примерно такой: «Где тебя носило!»

– Принёс... – я даже слегка растерялся. Видно было, что огоньки трудятся вовсю. Опять я попал в середину истории? Это ощущение с утра не покидало меня. Ещё начиная с покрытых четвертьвековой пылью девушек в таможенной штаб-квартире...

Из темноты протягивается рука, лица Чакта я не могу различить. На фоне пляшущих огоньков угадываются только контуры его головы – и я понимаю, что он в шлеме. Ну да, конечно – в этой мастерской нужно работать в специально подготовленном шлеме. Надеваешь – и всё таинство тьмы и разноцветных огоньков пропадает. Перед глазами встаёт чёткая схема рабочего пространства, проступают виртуальные контуры систем препарированного боевого костюма или какого-нибудь сложного объекта вооружения. Бессчётные механические стебельки собираются в чёткие многоугольники групп исполнительных манипуляторов – и управлять ими довольно просто, порой достаточно лишь взмаха руки. Нужно только знать, что именно делать, понимать логику работы системы вооружения, с которой ты возишься... Шлем-то этот специальный я пару раз надевал, и тысячи механических стебельков, у каждого из которых крохотный индивидуальный командный лазер на конце, послушно ждали моих распоряжений. Но я только стоял, вытаращив глаза, и пытался осознать сплетения систем лежащего передо мною на стенде боевого костюма. Это было куда сложнее голографической схемы человеческого тела с анатомического плаката, который я запомнил ещё со школы. Впрочем, тот плакат ведь для детей рисовали...

А вот Чакт всем этим занимался без видимых усилий. «Дубина ты планетянская!» – почти ласково комментировал он моё высказанное вслух удивление, как в этом всём вообще может разобраться человек. Вот и сейчас он колдовал в волшебной темноте с огоньками. Я угадывал его движения, но что именно он делает, конечно, узнать не мог. И вынужден был помалкивать и ждать, переминаясь с ноги на ногу.

А ещё я подумал, что это загадочное место, где рождаются либо обретают новую жизнь кибермеханические устройства – неживые, но так близко подобранные к подобию жизни – напоминает при взгляде с порога запертую в отсеке звёздного корабля маленькую вселенную. Где каждая из бесчисленных звёздочек в темноте имеет свою задачу, но все они вместе танцуют общий танец... Не так ли Великая Мать создавала человека? Только в большой Вселенной, настоящей...

Наконец Чакт стремительно появился из созидательной тьмы.

– Пошли! – учитель легонько толкнул меня в плечо, снимая на ходу шлем оружейника. Мой боевой шлем остался где-то там, в темноте мастерской. Но я даже спросить не решился – почему...

В рубке охотник Чакт уселся в своё командирское кресло и развалился как раз так, как я и представлял себе, забираясь в корабль. Он какое-то время молчал, разглядывая меня в полутьме – в рубке всегда была активирована только ходовая схема освещения. Включить яркий свет, как при аварии или техобслуживании, означало признать, что «Звёздная искра» теперь на приколе. Вот уже полтора десятка лет на приколе...

Я же сел в кресло второго помощника командира, когда-то давно отведённое мне Чактом. Мои глаза уже адаптировались к желтоватому свету корабельных светильников, когда-то такому привычному. И я, в свою очередь, принялся разглядывать старого звёздного охотника. Я знал, что из корабля он почти не выходит. Но за ту пару лет, что я его не видел, Чакт не одряхлел, не пополнил. Значит, не забывает посещать тренировочный отсек, держит себя в форме старый пират... Лицо его и раньше было изборождено глубокими морщинами – и как будто за прошедшие годы не изменилось... Стрижка, как всегда, была предельно короткой. А волосы были седыми ещё в первый день, когда я его увидел...

Ещё я подумал, что свой вклад в поддержание его здоровья должен был внести непрерывный поток свежих продуктов от местной общины. Он каждый день мог себе позволить безо всяких ограничений есть то, что среди косможителей порою считалось редким деликатесом. Я надеялся, что это хоть отчасти скрашивало его вынужденное заточение на нашей планете...

– Сержант просил тебе помочь, – безо всяких предисловий сказал Чакт, как будто продолжая ранее прерванный разговор.

Я вообще-то уже не очень понимал, что происходит. И потому только сдержанно кивнул в ответ. Я знал, что Чакт может как-то связываться с Сержантом, и наоборот. Но чтобы Сержант привлёк в операцию адвослужбы косможителя... Это на моей памяти было впервые.

– Давай займёмся твоими таможенными записями, – произнёс мой учитель, так и не объяснив, как это он вдруг оказался в курсе моих дел.

Хотя, впрочем, что уж тут удивляться. Достаточно было ему упомянуть Сержанта...

Несколькими короткими жестами покрутив объёмную голографическую схему информационных сетей своего корабля, светившуюся сбоку от командирского кресла, Чакт вызвал на центральный объёмный экран россыпь кубиков сводных таблиц. Эти плоды бессонных ночей «кабинетных агентов», девушек из таможенного крыла, вынырнули из памяти моего боевого шлема, оставшегося в оружейной мастерской, и теперь висели по центру рубки в виртуальном пространстве вокруг сияющего всеми оттенками багрового и оранжевого голографического столба, символизирующего главную вычислительную магистраль «Звёздной искры». Тёплые цвета спектра означали ту или иную степень её бездействия – сейчас корабль никуда не летел, и его вычислительные ресурсы практически простаивали. Вокруг переливающегося столба центральной магистрали, набранная сложной вязью технического итика, висела какая-то задача. Наверное, Чакт её заранее собрал или вызвал откуда-то из бездонного заглазника командира звёздного корабля. Структура задачи была настолько хитрой, что при беглом взгляде я никак не мог уловить сути. И вынужден был только хмуриться, краем глаза поглядывая на затейливое сплетение простых, казалось бы, команд. А Чакт тем временем ленивым жестом над своей командирской консолью управления загнал все кубики с таможенными данными в багровый голографический столб и пустил задачу на исполнение. Обворожительно красивый, но так и не осознанный мною пространственный узор из вычислительных команд нырнул в багровое сияние вслед за ведомостями со списками застоявшихся на грузовом терминале у Восточного

портала Космодрома гермоконтейнеров и их содержимого. Центральная вычислительная магистраль звёздного корабля сразу засияла ярче и стала как бы раскаляться – цвет её сменился на жёлтый, потом на зеленоватый, постепенно появились оттенки голубого...

– Ого! – воскликнул Чакт и удовлетворённо крякнул. Я чуть улыбнулся, подумав, что Чакт небось искренне считал, будто бортовому компьютеру, так же как и ему, старому охотнику, опасно долго застаиваться. И необходимо порой поразмяться...

– Сержант просил просчитать опасные сочетания контейнеров на твоей площадке, которые могут вызвать большие вторичные последствия при взрыве, – сказал мне Чакт будничным тоном.

Наконец-то мне хоть кто-то хоть что-то попытался объяснить!

– Ну понимаешь, парень... Это если одно с другим смешается да рванёт как-нибудь необычно сильно... Или газ какой-нибудь горючий образуется... – учитель повертел в воздухе руками, пытаясь изобразить что-то вроде объёмного взрыва.

Я понял.

– И начать нужно было с контейнеров, пропавших из базы данных? – высказал я вслух свою догадку.

– Ну да, – Чакт пожал плечами. – Где-то там, видимо, детонатор. Или несколько...

Вот тебе и призраки... Оказывается, серьёзные люди, в отличие от меня, вовсе не собирались бороться ни с какой мистикой. Только, хм, просчитать различные сочетания для ста пятнадцати тысяч контейнеров... Даже с учётом ограничений упрощённой математической модели... Даже если отбросить пустые контейнеры, которых была большая часть, и контейнеры с заведомо инертными грузами... Если я хоть что-то усвоил из институтского курса математики, количество комбинаций получалось значительно большим, чем число атомов во вселенной. Хотя, если подумать... Нет, всё равно слишком много! Наверное, программа старого командира звёздного корабля составлена с какими-то хитростями, раз тот так уверен в скором результате и не предлагает мне заехать снова, ну, скажем, через недельку.

– А зачем это? – неожиданно для себя спросил я Чакта. – Зачем минировать заброшенные контейнеры на площадке? Что это даст?

Старый охотник рассмеялся в ответ своим резким скрипучим смехом.

– Это ты меня, косможителя, спрашиваешь о делах планетян? Скорее просто страху на вас нагнать, мой мальчик...

Я вздрогнул. Последний раз Чакт так меня называл, когда я после ножевого ранения балансировал на грани жизни и смерти на операционном столе в медотсеке его корабля...

– Что это даст? Жилья и промышленных объектов у вас там рядом нет – не то что в других мирах... Но если удачно рванёт, контейнеры посыплются на купол защитного поля Космодрома. А это Инцидент Категории «П-В». Сам понимаешь... Дестабилизация власти, возможно, понижение статуса колонии... Ну, а заодно – избавить вас от лишних материальных ресурсов.

– Но что-то там уже больше двадцати пяти лет валяется!

– Э-э-э! Это оно валяется потому, что вы не можете найти повода его забрать. А вот в случае войны... Там правила другие. По Закону колониальное правительство имеет право арестовать и изъять грузы, в которых есть экстренная нужда. В связи с особыми обстоятельствами... Для защиты жизни колонистов... Ну, что-то там первоочередное для промышленности, для обороны. Сырьё и детали, запчасти всякие – они ведь не портятся.

– Но, насколько я знаю, у Кондуктории даже плана такого нет...

– А вот у кого-то есть план, чтобы у вас даже плана такого не возникло! Кто-то за вас уже подумал, всё просчитал...

– И подобрал такую расстановку, чтоб как следует рвануло? – с некоторым сомнением сказал я, тут же сообразив, что противнику для этого пришлось бы решать аналогичную расчётную задачу. – Это ж сколько вычислительных ресурсов нужно?

– Много, – согласился Чакт и кивнул на голографический столб в центре рубки. – Посмотри-ка сам...

Холодное голубое сияние центральной вычислительной магистрали уже слепило привыкшие к тусклому ходовому освещению глаза. Корабельный компьютер вышел почти на свою полную мощность... Шутка ли – главный компьютер звёздного корабля! Не слишком ли высокая плата за рядовую диверсию?

Так я и спросил у своего учителя.

– Дурак ты ещё! – вздохнул он снисходительно. – Это ж смерть вам всем! А смерть – она всегда в цене...

Но тогда это были слишком глубокие для меня слова. Я не мог их вот так, сразу превратить в простые и прагматичные выводы. Поняв это по моим глазам, Чакт выдал мне персональную порцию снисходительных пояснений:

– Подумай-ка, мой юный друг, сколько сил нужно, чтобы с ДиУлла к вам армию перебросить. И сколько лет! А тут всё само собой может решиться... Вычислительные ресурсы – тьфу! Это здесь у вас они в дефиците. А в орбитальном городе? Ну ты сам подумай, малыш...

Я неотрывно смотрел на всё раскаляющийся вычислительный столб...

– И вот кто-то сел и просчитал... – пробормотал я.

И не то чтобы я был наивным идеалистом. Я уже заглядывал в лицо лжи, уже пытался примерять на себя предощущение войны... Но какая-то инерция мышления, видимо, существовала даже у меня – у того, кто решился доставить людям исподтишка подсунутое Космодромом Послание.

– Да! Запросто! – встав со своего кресла, Чакт хлопнул меня по плечу.

– Я опять в оружейку! – провозгласил охотник. – Нужно ещё над твоим шлемом и костюмом поколдовать. Это мне ещё на полночи – а тут расчёт раньше и не закончится...

– Я что сделал-то! – Чакт не удержался от искушения похвастаться своим очередным творением. – Был просто боевой костюм, а я сделал так, что в нём теперь всё как у суперкарго!

Про костюм суперкарго я слышал – туда обычно встраивают систему типа радара, которая может на расстоянии считывать цифровые радиометки контейнеров. Такая же система стоит на специальных кранах, таскающих контейнеры, но костюм-то со шлемом удобнее. Только зачем антенны, нужные суперкарго, встраивать в боевой костюм?

– И не благодари! – направляясь к переборке корабельной рубки, сказал Чакт, опередив мой неизбежный, но глупый вопрос. – Просто привык я к тебе, дурню.

Вот так... Поболтавшись по рубке с четверть часа, я опять принялся разглядывать сверкающий ярко-голубой столб голограммы. «Мы вам ещё покажем!» – прошептал я про себя. Вот оно всё как вышло... Ловля призраков обернулась опаснейшим разминированием. Я уже не сомневался в том, что мне придётся это сделать: полезть туда, в самый центр взрывоопасной комбинации контейнеров, и добраться до боевого блока... Который наверняка со сложным логическим взрывателем... Сапёрный курс по инопланетной технике я у Чафта проходил, но это было давно. Надо бы освежить, да...

Но это имело смысл, только если всё действительно так плохо! Если Сержант и Чакт не ошиблись и взрывоопасные комбинации грузовых контейнеров, просчитанные кем-то заранее, вообще существуют...

И тут же, словно в ответ на мои мысли, корабельный компьютер выдал первую комбинацию! Сияющее полотнище отслоилось от сверкающего вычислительного столба и развернулось посреди рубки, повиснув над заголовником пустующего кресла пилота... Я присмотрелся – на нём была изображена схема пространственного расположения полутора десятков

контейнеров, поставленных в несколько рядов и в несколько ярусов. Контейнеры были отмечены разными цветами, рядом давалась расшифровка... Привстав с кресла, я принялся жадно впитывать информацию. Вот это да! Никогда бы не подумал, что этот жидкий промышленный полимер, название которого я ещё по университетским лекциям помнил, в паре с этой хорошо мне известной аэрозольной смазкой, которая считается негорючей... Не нужно было прогуливать химию! Минут пять я лихорадочно пытался запомнить бортовые номера контейнеров и их взаимное расположение, как вдруг висящую в воздухе разноцветную схему смертоносной комбинации заслонила другая... И потом, почти тут же, – ещё одна! Я растерянно захлопал глазами...

– Сержант твой, как всегда, прав оказался, – хихикнув, сказал мне прямо в ухо звёздный охотник Чакт.

Я вздрогнул и оглянулся – не заметил, как тот подошёл.

– Брось это, – махнул рукой мой старый учитель, заметив мои умственные усилия, – тут расчётов ещё надолго, хорошо если не до рассвета... Жрать пошли!

Я машинально глянул на часы – действительно, по корабельным традициям, которые неуклонно соблюдались даже через тринадцать лет после катастрофы, было время ужина. А мой желудок напомнил, что в последний раз я ел перед отъездом из Кодда. И было это ещё до восхода солнца...

Стол у Чака был традиционно шикарен. Добравшись до практически неисчерпаемых источников вкусной и здоровой планетянской пищи, звёздный пират принципиально ни в чём себе не отказывал. К местной кухне он так и не привык и готовил всё по-своему. Названий этим блюдам было не подобрать, так как не существовало точных аналогов. Казалось бы, что можно изобрести, кроме жареного мяса, овощей, хлеба и молочных продуктов в различных сочетаниях? Но нет пределов творчества для человека, который всю свою предыдущую жизнь провёл в попытках сделать что-то съедобное из отвратительного на вкус специального сырья для корабельного синтезатора пищи. Впрочем, молодое деревенское вино занимало на столе своё место, даже не покинув традиционного для общины Земледельцев глиняного кувшинчика...

Нагрескавшись, я вдруг почувствовал, что глаза мои поехали в разные стороны. Да и захмелел я неожиданно сильно. Вино за ужином – даже и пьянкой-то не назовёшь... Может, это оттого, что я с раннего утра на ногах, а потом разом тысячу с чем-то километров за рулём, да ещё и расследование...

– Давай-ка спать! – распорядился Чакт, командир «Звёздной искры». – Делами с утра займёмся...

«Почему бы и не с утра...» – рассеянно думал я, машинально преодолевая по корабельным коридорам и палубам путь до каюты, в которой когда-то частенько ночевал. Там всё оказалось в точности как много лет назад. Я даже не удивился этому. Моя койка была нижней, койка Илед – верхней...

«Илед, рождённая на Дамоде, Покинувшая Кров, как ты там сейчас?» – машинально подумал я, проводя ладонью по холодным полосам полированной стали, из которых был набран бортик её койки. И тут же я вспомнил про свой амулет – маленькую хрустальную пирамидку. Выудив её из кармана брюк, я поглядел сквозь неё на молочно-белый потолочный светильник. Пирамидка была кристально прозрачна. Это хорошо. Это должно означать, что моя первая любовь где-то там, в далёком космосе, живёт и здравствует...

В этом и был смысл амулета – пока пирамидка прозрачна, Илед жива. Если с ней что-то случится – нейростекло станет мутным, ничего сквозь него не разглядишь. Как именно это работало, я в точности не знал. Хотя общий принцип был понятен, тем более Илед настраивала амулет на себя при мне. Никакой мистики, конечно, не было – но в основе там лежала

такая физика, что я со своим неоконченным университетским курсом, попытавшись как-то самостоятельно разобраться, откровенно «поплыл»...

Восьмигранная пирамидка была сделана из особого и очень редкого материала, называемого нейростеклом. По сути, она представляла собой всего лишь очень-очень сложный приёмник на прозрачных нейрокристаллических схемах. Как уж он там видел какие-то дубликаты атомов в быющем сердце Илед через межзвёздные расстояния... Даже свет от некоторых звёзд с обитаемыми системами идёт дольше, чем продолжается жизнь человеческая... А вот эта маленькая штучка вполне справлялась с тем, чтобы донести до меня весточку о девушке, которую я когда-то любил. Хотя, если признаться честно, – и до сих пор люблю...

Это было последней моей мыслью в тот день. Как я разделся и повалился на койку, я потом так и не смог вспомнить...

Разбудили меня резкие звонки корабельной сигнализации. Два звонка. Это означало: «Быстро встать и приготовить себя к работе». Один звонок был бы просто сигналом подъёма дежурной вахты. Три звонка когда-то означали: «Бегом на свой пост по боевому расписанию». Тренируя Илед, Чакт иногда подавал нам такую команду по утрам. При трёх звонках нужно было что есть духу нестись спросонья по внутренним лабиринтам корабля к заранее назначенному месту... «А то вечный покой тебя настигнет раньше положенного!» – приговаривал Чакт, беззлобно подгоняя пинками нерасторопный планетянский молодняк.

Сейчас было только два звонка, но и при двух звонках шевелиться нужно было очень быстро. Приобретённые ещё в юности рефлексy сработали чётко – толком не проснувшись, я уже оказался в санузле. Надо сказать, что конструкция его была весьма непривычна для планетянина. Обычный человек, попав в эту тесную белую капсулу с бактерицидным освещением, наверное, долго соображал бы, откуда тут умываться и куда оправляться. А ещё принимать душ следовало со специальным загубником, парочка которых свисала с округлого потолка на ребристых трубках. Даже я, после стольких лет специфического опыта общения с этим оборудованием, мог бы, наверное, почувствовать некую неуверенность... Если бы не оказался тут раньше, чем окончательно проснулся.

Холодный душ вернул меня к реальности. Пусть загубник – зато какой бешеный вихрь с острыми капельками воды хлещет по всему телу! Дохлого оживит! Потом пальцы сами нашупали нужные сенсоры, и струи горячего воздуха быстро высушили тело и волосы. Вот тебе и преимущества короткой стрижки...

Потом, уже когда я брился, сработал машинальный самоконтроль... И бессознательный вздох облегчения – я занял правый санузел. Свой. В полноценной двухместной каюте их, как и положено, было два – левый и правый. Мой был правый. Левым пользовалась Илед, пока ещё была здесь... Почему-то при экстренных подъёмах я спросонья поначалу путал санузлы, за что получал от будущей космической охотницы заслуженный полушутливый щелчок по носу. А вот сегодня – не перепутал. Видишь, Илед, – я помню...

Пока я одевался, мне вспоминались различные варианты опасных пирамидальных нагромождений из безобидных с виду транспортных контейнеров...

Рабочий день на корабле начинается с завтрака. Чакт ждал меня в кают-компании. По красным глазам можно было предположить, что поспать ему так и не удалось. Но спрашивать я не решился... Просто жевал торопливо и пытался привести мысли в порядок.

И вот мы в твиндеке. Пройдя его, спускаемся в тёмные глубины корабельного трюма.

– Не забыл, как боевой костюм надевается? – Чакт, ухмыляясь, по-отечески толкает меня кулаком в плечо.

А я медлю, стоя над разложенным на палубе снаряжением космического охотника. Костюм так отталкивающе похож на препарированное человеческое тело... Раскиданы в сто-

роны руки и ноги, отливают лилово-сизым ткани внутренних покровов, зияет раскрытая грудная клетка... Только головы нет. Потому что штатная «голова» для этой штуки – мой боевой шлем... К шлему-то я привык, а от костюма отвык! Чакт смеётся. И справедливо... Этот смех над собой я заслужил. «Дубина планетянская!»

Я начинаю торопливо раздеваться. Стаскиваю с себя куртку, рубашку, штаны... Планетянская одежда, даже трусы с носками, под боевым костюмом недопустима, она нарушит дыхание кожи и тонко отстроенную терморегуляцию. Весь быт звёздного охотника завязан на оружие и снаряжение, и потому мой ровесник-косможитель, меняя рабочий комбинезон на боевой костюм, наверняка не раздумывает, куда лучше засунуть носки – в ботинки или в карманы брюк... А я, стоя босиком на ребристом металле грузовой палубы, всё пытаюсь призвать так не вовремя испарившиеся навыки, полученные в юности...

Да, не сразу я вспомнил, как нужно всё это, что лежит на полу, подхватывать под поясницу... Костюм тогда переломится в спине и можно будет сунуть голые ноги в его почти не гнущиеся в отключённом состоянии штанины. А когда пояс уже застегнут, там проще – прогнулся назад, сунул одну руку в рукав и тяни на себя тяжёлую спинную бронеплиту с блоком систем жизнеобеспечения. Потом вторую руку, и забрасывай всё это на плечи... Самозатягивающиеся захваты сходятся на груди... Потом замок шейной манжеты... Пульт активации на левом предплечье – быстрее, пока тело не вспотело... Теперь подвигать бронированными плечами, привыкнуть... Когда-то я так натренировался, что боевого костюма почти не замечал, сейчас же чувство неуклюжести всё не проходило.

– Кирасу! – приказал Чакт.

– Воевать что ли иду? – не удержался я от удивлённого замечания.

Мудрый звёздный охотник только горестно покачал головой:

– А меня уверяли, что с возрастом планетяне умнеют...

Кряхтя, я стал натягивать поверх бронированного боевого костюма ещё и кирасу. Она была специальной формы, с фигурным вырезом под спинную бронеплиту. В нашитых поверх неё бесчисленных кармашках что-то уже лежало... Интересно, что? Из оружия у меня один только пистолет. Ни кассеты с реактивными гранатами, ни боевые батареи рассовывать по карманам не нужно. Мои руки уже потянулись было к ближайшему герметичному клапану – открыть, посмотреть... Опять едва не опозорился, но вовремя вспомнил про шлем и, завершая движение, протянул за ним руки. От Чафта эта мгновенная оплошность не ускользнула, но он лишь чуть улыбнулся, вручая мне мой подаренный когда-то им же боевой шлем.

Шлемом я часто пользовался и потому рассчитывал, что здесь мне краснеть не придётся. Набрать побольше воздуха в лёгкие, сунуть голову внутрь, задержать дыхание... Дождаться, пока респираторно-скуловой адаптер намертво вцепится в дёсны... Только сейчас ещё и другое: цанга силового разъёма, поднявшегося со спинной плиты, при стыковке сильно дёргает за затылок. Нельзя сопротивляться, а я забыл, инстинктивно попытался удержать голову, чуть шею мне не своротило... Шлем включился, помещая меня в мягкие цвета виртуальной реальности, но в глазах потемнело...

– Проверка! – не давая опомниться, командует Чакт, и я торопливо нахожу взглядом в списке команд на внутреннем экране шлема вызов самотестирования.

Справа, на краю поля зрения, вспыхивает контур боевого костюма со шлемом, в течение нескольких секунд все его составные части отзываются зелёными сигналами готовности, и картинка гаснет. Заодно перед глазами повисает объёмная схема размещения снаряжения по бесчисленным кармашкам кирасы, по набедренным карманам... Это чтобы я сам ещё раз проверил – всё ли на месте. Но для этого я обязан помнить, что должно быть где... Схема постепенно гаснет. Костюм готов к работе. А готов ли я?

– Разминка! – командует учитель, и моё тело само начинает исполнять заученный в юности танец.

Сначала получалось довольно неуклюже, потом пошло легче... Взмахи руками, приседания, выпады, удары, блоки... Как дошло дело до кувырков – даже испугаться не успел. Почти получилось... Только вот головой об пол приложился с непривычки, но в шлеме это ничего...

– Тренаж! – прозвучал в динамиках боевого шлема новый приказ. Удивлённо оглянувшись, я увидел, что Чакт уже успел натянуть шлем оружейного мастера. Взмахом руки он создал в виртуальном пространстве грузовой космический контейнер в натуральную величину, наподобие тех, что ждали меня на таможенном терминале, а потом властным движением подвинул его ко мне.

– Учись открывать!

Я примерно представлял себе, как открывается грузовой контейнер, но, подойдя к виртуальным створкам гермоворот, замешкался... Шлем, который за ночь стараниями звёздного охотника приобрёл новые знания, тут же подсказал мне, что нужно делать сначала, нарисовав контуры обеих рук на клапане уравнивателя давления. Мне оставалось только поднять свои настоящие руки и совместить с нарисованными. Я виртуально сломал виртуальную пластиковую пломбу и нажал одновременно два виртуальных рычажка. Раздался вполне натуральный свист... Через секунду мои нарисованные руки переместились на рычаг центрального замка. Нажать и повернуть вверх... Потом, взявшись за виртуальные ручки, я потянул на себя смоделированные компьютером створки. Но прежде чем войти, нужно ещё обратить внимание на сменный знак на правой створке: обычный ли воздух внутри контейнера или какой-то газ для лучшей консервации груза? Мне-то в боевом костюме всё будет нипочём, но если кто последует за мной, – враз загнётся человек...

Контейнер внутри оказался полупустым, но груз почему-то был распределён по стенам. «Зачем так?» – озадаченно подумал я. А вот в глубине контейнера что-то мерцало... Шлем обвёл контуром какой-то объект, по форме напоминающий бочонок средних размеров. Собранные в пучок кабели расходились от него по всем стенам... «Взрывная цепь, – я начал припоминать кое-что из своих юношеских упражнений в сапёрном деле. – Стандартная схема минирования. А по центру – боевой блок...»

Боевой блок – это хитрая машина для дистанционного подрыва. Такие используются в межпланетных конфликтах. Например, Звёздными Бригадами... У него собственный компьютерный мозг, куча датчиков и источник питания длительного действия. Такая штука способна простоять на дежурстве десятки лет и осуществить подрыв точно в нужный момент... Нет, не по времени – для такого достаточно и обычного таймера. Именно в нужный момент – в соответствии с заложенной программой, по сочетанию многих факторов. Межпланетные диверсии – это тебе не сарай в соседском огороде взрывать. За время подготовки могут пройти годы... И обстоятельства изменятся, и состав исполнителей...

– Вспоминай, как надо работать! – Чакт направляет меня вглубь виртуальной модели заминированного контейнера. И я делаю шаг вперёд, осторожно отводя рукой свисающие с потолка виртуальные кабели взрывной цепи...

Я помню, что нужно делать. Постепенно все знания и навыки, полученные в юности, возвращаются, как после сна... Тот дерзкий парнишка, которого Чакт сегодня умудрился снова разбудить во мне, он ведь многое знал и умел для своих двадцати лет...

У боевого блока на верхней крышке голографический экран – он мерцает, приглашая гостя к диалогу. А вдруг резиденту или его подручным понадобится изменить задачу? Но нужно знать код доступа... Вот ещё шаг – и ты в контрольной зоне, о чём логический модуль взрывателя извещает коротким попискиванием. Теперь бежать бесполезно – если покинуть зону, последует взрыв. Обычно сам боевой блок снаряжается не меньше чем полусотней килограммов монокристаллита, да тут ещё взрывчатки по стенам поразвешано...

Бежать бесполезно, дороги назад нет. Нужно наоборот... Иди к нему, не мешкай: время, пока боевой блок будет терпеть твоё присутствие, ограничено. Минуты две обычно есть, это

максимум. Впрочем, если ты с голыми руками, то ничего не сделаешь. Бдительный мозг адской машины не даст тебе ни кабели взрывной цепи повывёртывать, ни сам боевой блок повредить... Другое дело, когда ты в полном боевом снаряжении космического охотника, как я сейчас. Тогда шанс есть – и хороший шанс...

Из бронированной накладки левой перчатки выскакивает щуп прямого доступа, и я кулаком загоняю его в гнездо на верхней панели боевого блока. По бокам моего шлема вспыхивают тревожные иголки командных лазеров, их зайчики начинают свой танец на дымчатых линзах приёмников внешних команд, расположенных по бокам от голограммы на верхней панели, – начинается атака по всем направлениям.

Схватка двух компьютеров протекает беззвучно и с невообразимой скоростью. Исход её трудно предсказать точно, но мозг боевого блока в целом более уязвим – он ожидает возможных внешних команд от своих кровожадных хозяев. А компьютер боевого шлема содержит знания многих поколений охотников – специальные знания о том, как взламывать чужую защиту. Ход сражения в какой-то степени отображается на внутришлемном экране – в виде графиков и почти понятных мне диаграмм. А ещё я вижу, как кочевряжится оптронный мозг боевого блока: это легко читается по безумной смене показаний его голографического экрана...

Я помню, как управлять процессом взлома, но пока всё идёт правильно, и я не вмешиваюсь... Вот на внутришлемном экране вспыхивает длинная цепь пустых ячеек и сверху надпись на итике: «Главный код доступа». Ячейки одна за другой начинают заполняться символами. Секунда за секундой, но ещё много пустых ячеек остаётся... Бегут цифры таймера на боевой голограмме – контрольное время до принятия решения об экстренном подрыве. За это время нужно ввести разгаданный боевым шлемом код доступа или взломать цепь управления – что получится быстрее... Но вот на внутришлемном экране заполняется последняя ячейка, я протягиваю руку к голограмме над верхней крышкой боевого блока и подрагивающими пальцами набираю длинную кодовую комбинацию. Нет времени на ошибку... Но я и не ошибаюсь. Всё!

Гаснут цифры рокового таймера, уже успевшие угрожающе приблизиться к нулям. Мне оставалось всего несколько секунд... Я даже взмок, но шлем с его поглотителями пота это быстро исправил. Впрочем, расслабляться рано: боевой блок вовсе не выключился, он просто признал нового хозяина и перешёл в режим ожидания. Стоит выйти из контрольной зоны – и всё по новой. Теперь нужно задать программу, которая меня устраивает... Ну, это долго объяснять – нужно отключить боевому блоку внешние датчики, радиосвязь, понизить степень готовности, насоздавать абсурдных блокировок... Но только осторожно, чтобы он не заподозрил, что попал в руки противника, и не запросил ещё какой-нибудь контрольный код.

Да, чуть не забыл – нужно как можно быстрее снять с контроля гнезда подключения кабелей взрывной цепи и повывернуть их... Потом ещё проверить большую щель под верхней крышкой: там может быть съёмная плата контроллера групповой работы. Блок вполне может оказаться не один: их порою ставят несколько, работающих в одной смертоносной связке...

Но едва я наклоняюсь, чтобы проверить это гнездо, как виртуальный заминированный контейнер вокруг меня гаснет, и я вновь оказываюсь в пустом и тёмном грузовом трюме «Звёздной искры».

– Тренировка окончена! – заявляет Чакт, сидящий, положив ногу на ногу, на сложенной стреле трюмного грузового манипулятора.

– Не так уж плохо... После стольких-то лет беззаботной планетянской житухи... – звучит ироничная оценка моих действий. – Но тыкаешься, как во сне... И про групповой контроллер только в самом конце вспомнил. А нужно было с него начинать! Если блоков несколько и ты успеешь его выдернуть, а код подобрать не удастся, – так хоть других спасёшь, если не себя... Понял?

– Понял...

Я верю, что прямота мыслей и высказываний, принятая у косможителей, – это благо. Особенно когда имеешь дело с такой бесчеловечной техникой... Ха, забавная игра слов получилась!

Я разминаю плечи – за минуты виртуального разминирования они затекли так, словно я час тут возился... Адреналин играет в крови. И мне кажется, что если я сейчас повторю выполненный до этого весьма посредственно разминочный комплекс для боевого костюма, то нипочём не треснусь башкой... Я выпрямляю спину и задираю голову в шлеме... Как там нужно повторять про себя? «Я самый быстрый! Самый сильный! Самый ловкий! Самый умный...»

– А почему именно боевой блок? – я задал вопрос, который почему-то только теперь пришёл мне в голову. – Разве есть какие-то данные о том, что контейнерный терминал заминирован? Пока мы только путаницу с учётными реестрами выявили...

– Ха-ха! – звёздный охотник развёл руками. – Я слышу слова молодого планетянина...

Чакт мог бы и просто сказать, что я тупой...

– Но по оперативным данным... – хмурясь под шлемом, попытался возразить я.

– Я достаточно много знаю о призраках, парень! – миролюбиво расхохотался мой учитель. – Они обычно не пользуются кодированной радиосвязью!

Я не стал переодеваться – так в боевом костюме и отправился на таможенный терминал. Вот ещё, сверкать там посреди площадки голой задницей... Шлем я, конечно, снял, чтобы людей не пугать. А поверх пластиковых лат боевого костюма накинул серый бесформенный плащ из постепенно сформировавшихся у Чакта корабельных запасов планетянской одежды.

Сумка с моими шмотками валялась на заднем сидении джипа. Там же лежал чехол с тремя сменными стержнями аккумуляторов для боевого костюма. На двое суток должно хватить...

Пока я рулил по узким улочкам окраинных районов Инаркт, солнце ещё только вставало из-за леса, что стеной высился совсем недалеко от города – Чакт, оказывается, поднял меня очень рано.

Хоть я и был без шлема, в этом районе мне не приходилось напрягать память. Я отлично помнил, как из-за крайних дворов стоящего далеко на отшибе пригородного посёлка, у которого оканчивается пробегающая мимо звёздного корабля просёлочная дорога, пробраться по едва заметным колеям к мостику через речку Холодная, лет пять назад построенному местной общиной. После, по узкой дорожке, можно взобраться по пологому склону напрямик к лесной опушке, а оттуда свернуть на просеку, которая через пару километров под прямым углом пересечётся с другой просекой, пошире. В этом месте нужно будет свернуть направо, и тогда километров через пять глухие лесные дороги выведут меня к недостроенному посёлку под названием Десятка, то есть официально – Десятый километр. А там и Шоссе уже рядом.

Да, никакого населённого пункта в Десятке так и не получилось. В своё время были построены срубы для первых домиков, но во время восстания Третьей Несокрушимой бронбригады их разобрали – для Первой баррикады. Обратное, после боя, возвращать было нечего – от брёвен остались только щепки. Теперь по обеим сторонам слегка укатанной гравийной дороги, что должна была стать центральной улицей посёлка, прячутся в кустах десятка два фундаментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.